Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 28 ФЕВРАЛЯ 4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 56234. Москва. Тираж 42.000 экз.
Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Джон Пеппер.

О задачах расширенного пленума ИККИ.

При выяснении основных задач происходящего теперь расширенного пленума ИККИ мы должны вспомнить главные результаты последнего пленума ИККИ, заседавшего в марте 1925 г.

Важнейшими результатами прошлогоднего расширенного пленума являются следующие два основных положения:

1) Революция движется вперед медленным темпом; период мировой революции не закончен, и сейчас мы в этом всеобщем революционном периоде проходим через полосу относительной стабилизации капитала. Другими словами, сейчас, вообще говоря, положение не является непосредственно революционным.

2) Компартии не готовы и не способны еще проводить тактику, которая бы во всех отношениях подходила для теперешних условий. Секции Коминтерна все еще не пропитались всецело идеологией марксизма-ленинизма, они все еще не освободились от разных социал-демократических и синдикалистских традиций и проявляют некоторые лево-сектантские тенденции и правые оппортунистические уклоны. Они все еще не умеют полностью использовать революционное положение и не научились в незначительных повседневных требованиях пролетариата выступать как настоящие партии рабочего класса. Они очень часто оказываются недостаточно гибкими для успешного маневрирования и, ведя за собою пролетариат, зачастую не умеют привлечь к себе другие классы в качестве союзников пролетариата.

Последний расширенный пленум Исполкома охарактеризовал мировое положение одним словом: с т а б и л и з а ц и я, которой он противопоставил б о л ь ш е в и з а ц и ю, как основную задачу партий Коминтерна.

Открывшийся теперь расширенный пленум ИККИ должен будет снова констатировать, что мы все еще переживаем период относительной стабилизации, но, вместе с тем, он должен будет признать и наличие в капиталистической Европе разных явлений кризисного характера и обострения классовых противоречий, выступающих подобно трупным пятнам на теле стабилизации.

I.

Мировое положение стоит под знаком победоносного выступления американского империализма.

Какие основные особенности сможет обнаружить расширенный пленум в мировом положении? В первую очередь—н о в о е в з а и м о о т н о ш е н и е А м е р и к и с Е в р о п о й. В истекшем году Америка экономически глубоко проникла в целый ряд европейских стран. Едва ли найдется такая европейская страна, которая

не являлась бы должником Америки. В целом ряде крупных стран американский капитал проник и в промышленность и в банки. Благодаря колоссальному накоплению и концентрации своего капитала Америка в состоянии помещать все большие и большие капиталы в Европе, в результате чего она все больше и больше становится деспотом европейского хозяйства. Во многих европейских странах устойчивость валюты зависит исключительно от американских кредитов (даже мощная Великобритания смогла установить золотую валюту лишь благодаря помощи американского капитала). Весь круговорот промышленной жизни зависит сейчас почти во всех европейских странах от американского капитала. Уже в 1924 году Америка являлась крупнейшим экспортером капитала на мировом рынке, но в 1925 году мы уже наблюдаем новые выступления американского финансового капитала: он не только предоставляет займы, но скупает акции целых предприятий и целых отраслей промышленности и со все большей грубостью ставит свою финансовую помощь в зависимость от условий политического характера. Наиболее ярким примером в этом отношении является Бельгия, которой Америка поставила условием получения займа—сокращение ее армии.

Несмотря, однако, на американские миллиарды долларов, почти все европейские страны переживают сейчас экономический кризис, который в каждой отдельной стране имеет свой особый характер. В Великобритании мы стоим перед промышленным кризисом, во Франции—перед инфляционным. Обе эти страны-победительницы, собственно, лишь в последние годы начали страдать от кризиса, явившегося результатом мировой войны, этой громадной империалистической мировой катастрофы. Есть, однако, ряд стран Европы, которые уже однажды «оздоровлялись» и теперь, после оздоровления, переживают новый глубокий кризис, который можно назвать после-оздоровительным кризисом. К этим странам относятся Германия, Польша, Австрия, Бельгия.

На всем европейском континенте царит массовая безработица, не имеющая себе, кажется, равной в истории, и где эта безработица еще не приняла массового характера, как, например, во Франции, там свирепствуют дороговизна и инфляция.

Империалистские противоречия беспрерывно растут. Можно сказать, что подобно тому, как перед мировой войной мировое положение зависело в первую очередь от противоречий между британским империализмом и германским, ныне ось всей мировой ситуации образует противоречие между британским империализмом и американским. Есть, конечно, вопросы, где оба капиталистических грабительских государства все еще сходятся. Но, с другой стороны, мы можем наблюдать, как британские и американские интересы начинают все больше и больше сталкиваться друг с другом. Везде, где происходит борьба за рынки сбыта промышленных изделий, Америка и Англия выступают в качестве конкурентов. Во всех местностях, имеющих значительные запасы сырья, предназначенного для утоления ненасытного аппетита капитализма, идет ожесточеннейшая борьба и соревнование между Америкой и Англией. Это соревнование и борьба обеих империалистических стран свирепствуют везде, где речь идет о ввозе капитала, будь то в отдельных странах и городах, или целых отраслях промышленности.

В то время, как Америка все больше и больше душит Европу, идет семимильными шагами вперед индустриализация Востока. В процессе этой индустриализации рождаются новые сильные буржуазные и широкие рабочие слои. Подымают голову национальные революции (Китай), вспыхивают колониальные войны (Марокко, Сирия), и некоторые конфликты, возникающие между угнетенными народами и империалистскими хищниками, весьма близки к войне (конфликт Турции и Египта с Великобританией).

Советский Союз является большой сияющей звездой на фоне мирового положения. Господство пролетариата в СССР необыкновенно укрепилось в последний год, и нельзя отрицать улучшения условий жизни российских рабочих масс. Строительство социализма делает успехи, и международное признание советских республик подымает их престиж. Во многих странах миллионы безработных пролетариев думают с надеждой о Советском Союзе и требуют от своих капиталистических правительств, чтобы они, предоставив крупные кредиты, сделали возможным вывоз промышленных изделий в Советский Союз и таким образом начали успешную борьбу с безработицей у себя дома.

Капитализм, постепенно спускающийся со своей былой высоты, защемлен в Европе между все еще растущим империализмом Соединенных Штатов, с одной стороны, и уже идущим вверх социализмом Советского Союза, с другой стороны. Мы видим, как по этой причине старые империалистические державы Европы стараются в обоих этих направлениях восстановить свое прежнее неограниченное мировое господство. Первой попыткой в этом направлении было Локарно, и в гарантийном локарнском договоре скрещиваются следующие четыре тенденции:

1) Локарно было заговором против Советского Союза;

2) Локарнский договор означает удар по континентальной гегемонии Франции в пользу Англии;

3) Локарно пыталось взять под свою защиту старые капиталистические интересы путем увеличения степени обеспеченности всех капиталистических инвестиций;

4) Локарно имело, однако, еще и четвертую тенденцию. Оно явилось первым шагом к образованию под руководством Великобритании блока народов-должников, направленного против С.-Американских Соединенных Штатов, этого крупнейшего заимодавца. В связи с Локарно появился даже лозунг Соединенных Штатов Европы, которые бы образовали одно целое на капиталистической основе. Противоречия интересов капиталистических стран (Англия—Франция, Франция—Германия) однако настолько велики, что образование Пан-Европы против пан-американского империализма не возможно на буржуазной основе. Одновременно с этим мы видим, что окончились неудачей и все старания Великобритании создать мировой блок против Советского Союза. Не следует, конечно, думать, что эта опасность уже совершенно миновала, британский империализм, без сомнения, будет продолжать свои попытки в этом направлении и в будущем.

Совершенно новое развитие мы замечаем в целом ряде стран латинской Америки. Американский империализм все больше и больше вытесняет английский империализм из Мексики и из Средне-и Южно-американских стран и постепенно становится неограниченным владыкой огромного американского континента. Это наступление американского империализма должно, однако, непременно дать толчок к революционно-национальной борьбе всех этих народов. Возможно, что в течение этого процесса Мексика начнет играть роль «западного Китая», так как она может стать на Западе таким же опорным пунктом против американского империализма, каковым на Востоке является Китай против империализма Великобритании.

II.

Новые явления в рабочем движении.

Крупные сдвиги в общем мировом положении изменили, разумеется, и лицо рабочего класса. В этой области мы можем констатировать особенно существенные изменения в следующих четырех направлениях:

1. Усиление американской рабочей аристократии и сдвиг американского рабочего движения вправо.
2. Радикализация рабочего движения в Европе.
3. Образование новых рабочих слоев на Востоке.
4. Грозящая опасность расщепления рабочего класса из-за массовой безработицы.

Мощный рост американского империализма дает американскому капитализму возможность подкупить широкие слои рабочего класса всевозможными привилегиями. По этой причине пропасть между рабочей аристократией и настоящим пролетариатом в последние годы еще больше углубилась. Рабочая аристократия чувствует себя заодно с американской буржуазией и относится пренебрежительно к неквалифицированным и плохо оплачиваемым настоящим пролетариям. Это противоречие в среде самого рабочего класса особенно заостряется благодаря тому, что рабочая аристократия состоит из «прирожденных» американцев, говорящих по-английски, в то время, как настоящий пролетариат состоит из рабочих, родившихся вне Америки, говорящих на других языках и принадлежащих 55 различным нациям. Американская федерация труда, эта официальная представительница американского рабочего движения, ведет настолько открыто буржуазную политику, во всех отношениях солидарную с империалистической буржуазией, что в этом отношении с нею даже не может сравниться ни одна социал-демократическая партия Европы. Выкристаллизовалась буржуазная профсоюзная политика. Миллионы необученных рабочих вытесняются из профсоюзов, и место настоящих профсоюзов все больше и больше занимают теперь предпринимательские профсоюзы (компанейские унионы). Движение за рабочую партию потеряло свой массовый характер. Возникает один рабочий банк за другим, и у профсоюзов имеется уже около 40 таких банков с капиталом в полтораста миллионов. Правильнее, однако, будет, если мы скажем, что рабочие-банки завладели профсоюзами, так как боевые фонды последних перешли к рабочим банкам, и они больше не могут служить своим главным боевым целям—поддержке забастовщиков и проч. Эти профсоюзные банки выступают лишь в качестве отделений крупных банков американского финансового капитала, находящихся на Уолл-Стрит. В некоторых отношениях американское рабочее движение находится теперь в таком же положении, в каком находилось английское рабочее движение до конца 90-х годов и до первого потрясения мировой монополии британского империализма.

В Европе мы переживаем совершенно обратное развитие. В последние годы началась сильная радикализация рабочего движения. Важнейшие признаки этого поворота влево таковы:

а) Растущее стремление к профсоюзному единству, продуктом которого является англо-русский комитет профсоюзного единства.

б) Успех рабочей делегации, вернувшейся из СССР.

в) Образование левого крыла почти во всех социал-демократических партиях Европы.

г) Некоторые успехи компартии при разных выборах (в Бельгии, Германии, Чехо-Словакии).

д) Попытки сближения с Коминтерном и Советским Союзом. Упомянем лишь статью Отто Бауэра, в которой он признает рост социализма в Советских Республиках, и предложение английской независимой рабочей партии об об'единении II Интернационала с III.

Причины этого полевения широких слоев рабочего класса Европы вкратце таковы:

во-первых, экономический кризис, свирепствующий почти во всех европейских странах и приносящий с собою повсюду постоянно растущую безработицу;

во-вторых, разочарование широких рабочих масс в буржуазно-социал-демократических коалиционных правительствах. Почти во всех европейских странах рабочие имели возможность убедиться на собственном опыте в предательском характере социал-демократических буржуазных коалиционных правительств;

в-третьих, под'ем Советского Союза показывает на примере возможность не капиталистического, а социалистического выхода из теперешнего хаоса и нужды.

III.

Тактические выводы: ближе к массам для создания более широкого единого фронта.

Расширенный пленум Исполкома Коминтерна должен дать анализ мирового положения, охарактеризовать картину рабочего движения и сделать соответствующие фактические выводы. Основные задачи тактики Коминтерна заключаются в следующем: пошире и покрепче единый фронт, более глубокое проникновение в массы, установление контакта с социал-демократическими рабочими, двигающимися влево.

Коминтерн уже на III своем конгрессе бросил лозунг: «К массам». IV и V конгрессы стояли под знаком единого фронта.

но тактика отдельных секций Коминтерна была до сих пор слишком мало направлена на действительное практическое проведение единого фронта. Можно сказать, что в то время, как Коминтерн провозгласил необходимость единого фронта в мировом масштабе, отдельные секции все еще не заняли правильных позиций в отношении проведения единого фронта. В сущности Великобритания является единственной страной, где тактика единого фронта годами последовательно ведется в широких размерах терпеливо и уверенно и, как показывают результаты, с большим успехом. В последние месяцы и германская компартия начала действительно проводить единый фронт, и ей уже удалось путем давления на социал-демократические рабочие массы и благодаря давлению этих левых пролетарских слоев на официальное руководство социал-демократической партией добиться капитуляции этой крайней правой организации в двух вопросах: социал-демократия не осмелилась вступить в большую коалицию, и была вынуждена выступить сообща с компартией в вопросе национализации имущества бывших владетельных королей и князей. В других странах, однако, тактика единого фронта проводилась до сих пор лишь урывками. Главной задачей расширенного пленума явится критика этих недочетов в деле осуществления тактики единого фронта и проведения единого фронта в массовом масштабе во всех странах.

Все ошибки, сделанные до сих пор, нужно беспощадно бичевать. Недостаточно, если компартии обращаются к руководителям социал-демократических партий и этим ограничиваются, ничего не делая ни в массах, ни в профсоюзах, ни на фабриках. С другой стороны, ошибочна и не верна другая теория, которая говорит о том, что единый фронт можно проводить «лишь снизу», как гласила знаменитая теория группы Рут Фишер—Маслова. Сектантские стремления в компартиях выражаются в своеобразных теориях, которые все приводят к саботажу тактики единого фронта. Надо покончить с теорией Бордига, разрешающего единый фронт с профсоюзами и запрещающего образование единого фронта с политическими партиями, а значит, и с социал-демократией. Необходимо разбить и польскую теорию т. Домского, согласно которой нельзя вступать в переговоры о едином фронте с социал-демократическими партийными вождями, как таковыми, но с которыми можно проводить маневры единого фронта, если они избраны массами в качестве членов парламента или членов городских управлений. Все эти запутанные теории предназначены лишь для замаскирования нерасположения к применению тактики единого фронта. Расширенному пленуму предстоит вскрыть ошибки, заключающиеся в том, что коммунистические партии часто ставят *условием единого фронта* принятие их программы социал-демократическими рабочими; так, например, французская компартия поставила *условием* эвакуацию Марокко и лозунг пораженчества; Лига Пропаганды (организация левого меньшинства американских профсоюзов), являющаяся, таким образом, *организацией единого фронта*, внесла в свою программу пункты о диктатуре пролетариата и поддержке коммунистической партии. Принятие программы компартии не должно быть поставлено условием в самом начале, оно должно явиться естественным результатом применения тактики единого фронта.

Расширенный пленум должен будет выработать *организационные и политические методы для широкого привлечения масс*, поднять уровень политического понимания компартий и углубить их работу в беспартийных организациях единого фронта, в первую очередь, конечно, в профсоюзах, но также и в других организациях, как «Рабочая партия», как общество «Друзей Советского Союза», в «Комитете по плебисциту против возмещения быв. князьям Германии», в комитетах безработных, в движении меньшинства профсоюзов и проч. Индустриализация Востока и появление новых сильных рабочих слоев в Китае, Индии и других, ставят пленум пред рядом новых проблем. Эти новые рабочие слои необходимо вовлечь в международное рабочее движение и вместе с тем нужно разрешить проблему, насколько в этой национально-революционной борьбе гегемония буржуазии благодаря этому процессу уже перешла или переходит к пролетариату.

Второй важной задачей расширенного пленума Исполкома явится интернационализация Коминтерна не только в отношении усиления роли иностранных компартий в руководстве Коминтерном, но и в отношении вовлечения в работу Коминтерна и тех континентов, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Мы имеем в виду в первую очередь Индию, Африку и латинскую Америку. В своем первом периоде Коминтерн был интернационалом одних лишь *средне-европейских* партий. В своем втором периоде он стал интернационалом и угнетенных народов Дальнего Востока. В третьем периоде мы должны перенести свое наступление и на *Дальний Запад*. Лишь когда нам удастся стать обоими ногами и на Дальнем Западе, и в Соединенных Штатах, и в латинской Америке, равно как и в Австралии,—мы сможем утверждать, что Коммунистический Интернационал действительно превратился в мировую организацию всемирного пролетариата всех угнетенных народов и всех рас, порабощенных империализмом.

В. Кирпотин.

Старые „категории“ и новая эпоха.

Одним из важнейших вопросов, затронутых последней партийной полемикой, является вопрос о перенесении законов, категорий и положений, имеющих определенное, в марксистской литературе твердо установленное, значение в одной общественной формации—на другую общественную формацию.

Все общественные законы суть законы исторические. Общественные категории суть категории определенного общественного строя. «Капитал» есть прежде всего произведение историческое. Он устанавливает законы развития общества, базирующегося на капиталистическом способе производства.

В такой общей форме все эти положения являются азбукой исторического материализма. Марксизм тем и отличается от буржуазной социологии, что он рассматривает общественные явления строго исторически, в то время как последняя устанавливает законы «абсолютные», «вечные», якобы применимые в любой общественной формации.

Проблема становится сложней, когда мы исследуем вопрос о переходе от одного общественного строя к другому. При переходе от одного общественного строя к другому процесс общественного развития имеет скачкообразный, революционный характер. Один класс, обычно, насильственно сменяется другим у кормила власти и общественного руководства. Но Ленин оберегал от вульгарного понимания «скачка»:

«Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противополагать капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»). О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории, и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали» [1]).

На рубеже старого и нового общественного строя лежит переходный период, в течение которого на ряду с новым продолжает еще существовать и старое. В каком об'еме сохраняется после революции старое, это зависит от степени экономической и иной зрелости страны. В России, при переходе

[1]) Ленин, т. XV, стр. 222.

от капитализма к социализму, старого больше, чем это будет в Англии.

Само «новое» носит на себе отпечаток «старого». Всякий общественный строй носит на себе следы той общественной формации, из которой он возник. Этот закон, установленный Марксом, имеет значение и для капитализма, при всей его чудовищной разрушительной и нивелирующей силе. Достаточно вспомнить различные формы наемного труда в земледелии, выросшие из феодальных форм эксплоатации, на что неоднократно указывал Ленин. Этот же закон в большой степени имеет значение для социализма, вырастающего на плечах капитализма. Наши социалистические предприятия, на данном этапе нашей экономики, сохранили форму капитала, прибыли, заработной платы повременной и сдельной. Некоторые категории нашей экономики восходят не только к капитализму, но и к более ранним периодам.

Но в каждую общественную эпоху формально одно и то же явление имеет или разное значение, или неодинаковый об'ем распространения. Возьмем вопрос о товаре. В капиталистическом обществе производство имеет целью меновую стоимость; оно производит не продукты, а товары, товарообмен же есть обмен эквивалентов. При купеческом же капитале «продукты» [1]) принимают форму товаров, а не производство товаров движением последних образует торговлю» [2]). Товарообмен при этом уже не есть обмен эквивалентов: «Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон торговли. Следовательно, это не обмен эквивалентов. Понятие стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равновеликие стоимости. Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, сначала совершенно случайно. Они принимают товарную форму, потому что они вообще могут обмениваться, т.-е. потому, что они суть выражения одного и того же третьего» [3]).

Иначе, чем при капитализме и чем до капитализма, обстоит дело «после капитализма»,—при диктатуре пролетариата. В «Наказе СТО» Ленин писал: «На вопрос о товарообмене (включая сюда и продуктообмен, ибо государственный продукт—продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае, не только товар) должно быть обращено теперь главное внимание всех экономсоветов, всех органов хозяйственного строительства» [4]).

При оценке этого положения Ленина не надо забывать, что оно было сформулировано на первом этапе нэпа, до того, как намеченный вначале натуральный товарообмен сорвался, «сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу». Но не надо и недооценивать этого положения, ибо вопрос шел все же о товаре, об обмене, о товарообмене.

[1]) Курсив, везде, где это не оговорено, наш.
[2]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 312.
[3]) Ibid., стр. 313.
[4]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 211.

Во всяком случае нам важно здесь установить следующие три положения:

1) при капиталистическом способе производства производятся товары, обмениваемые эквивалентно;

2) при до-капиталистических общественных системах, «которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости» (Маркс), т.-е. производство продуктов, продукт становится товаром лишь благодаря торговле: но обмен происходит не эквивалентно; мы имеем дело лишь с процессом превращения производства продуктов в производство товаров;

3) при переходе к социалистическому строю, после завоевания власти пролетариатом, но до установления непосредственно социалистических форм распределения, мыслимо производство «товаров», которые уже не являются вполне товаром «в политико-экономическом смысле». Производство товаров превращается в производство продуктов уже на социалистической общественной базе.

Формально одна и та же общественная категория «товар» имеет разное значение и разный об'ем распространения при разных общественных структурах.

Теоретическому исследователю нужно быть очень осторожным при определении меры значимости одной и той же категории в различных общественных формациях. Нужно уметь не поддаться соблазну простого перенесения категорий из одной среды в другую. Это же требование должно быть пред'явлено и политическому деятелю, который строит политику, исходя подчас от явлений формально одинаковых, но существенно различных.

Имеют ли эти общие замечания значение для понимания недавних споров в партии? Конечно, имеют. Основной, так сказать, методологической ошибкой оппозиции является ее тенденция подходить к нашему строю с той же самой меркой, с какой марксизм подходил к капиталистическому обществу. Находя в нашей «нэповской» России те же формы, те же явления, что и в капитализме, она в общем и целом полагала, что в обществе диктатуры пролетариата, на нашем уровне его развития, эти формы и эти явления имеют то же значение, что и при самом капитализме.

Конечно, возможна и иная ошибка,—вернее та же ошибка, да наизнанку.

Можно себе представить, что кому-либо действительно взбредет в голову поставить знак равенства между нэпом и социализмом. Этим самым он совершенно отказался бы от «родства» с капитализмом, от понятия переходного периода, от применения—пусть в измененной и не всеобщей форме—но все же капиталистических категорий для уразумения наших теперешних отношений. Соответственным образом, такой подход и отразился бы на его тактике. Оппозиция и пыталась приписать эту ошибку ЦК, выдвигая фактически против ЦК необоснованное и беспредметное обвинение в «идеализации нэпа».

Подойдем, однако, с этой стороны к ошибкам оппозиции. Тов. Зиновьев в своей книге «Ленинизм» неоднократно цитирует Ленина, неоднократно же напоминавшего, что на почве свободной торговли растет и нарождается вновь и вновь капитализм. Цитируя, автор очень часто опускает те места, которые не укладываются в его схему, но которые, однако, имеют непосредственнейшее отношение к делу.

«Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере... Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти. Эта самая основная экономическая азбука, преподаваемая в начатках экономической науки» [1]).

Эту цитату из соч. Ленина т. Зиновьев приводит не целиком. В середине ее, там, где у Зиновьева поставлено многоточие, у Ленина идет еще следующая фраза: «В какой мере этого мы не знаем» [2]). Дальше идет о концессиях. Если цитировать не весь абзац, то многоточие надо было ставить обязательно после, а не до только что приведенных слов, ибо они имеют существенное значение для выяснения проблемы о росте капитализма из свободной торговли.

Дальше—в следующем абзаце, из которого т. Зиновьев приводит опять-таки только начальную фразу, у Ленина мы читаем следующее место: «И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением (в это «новое положение»—ясно, как божий день, входит и свобода торговли. *В. К.*). Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство—за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: «повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали» [3]).

Тов. Зиновьев приходит к выводу, что свобода торговли вообще ведет к капитализму, по отношению к которому, естественно, встает задача его регулирования: «Но столь же бесспорным для нас должно быть и то, что этим (концессиями и арендой. *В. К.*) не исчерпывается государственный капитализм, что нельзя забывать о свободной торговле, о ее формах, о планировании и распределении, о возрастании капитализма из индивидуальных хозяйств. Нельзя забывать, что все это, поскольку оно подчинено контролю государства,—все это Владимир Ильич называл государственным капитализмом, называл условно, добавляя, что это—своеобразный государственный капитализм...» [4]). Несколько раньше, в том же содокладе, т. Зиновьев говорит: «...Забывают такую «мелочь», как свобода торговли, как существующая у нас форма распределения и потребления, как неизбежное нарастание капитализма из индивидуального крестьянского хозяйства» [5]).

Свобода торговли, индивидуальное крестьянское хозяйство дает капитализм—и только капитализм. Вот что хочет сказать т. Зиновьев. Где есть рынок, торговля, хотя бы торговали между собой социалистические фабрики, или социалистическая фабрика с простым товарным хозяйством—там мы имеем дело в лучшем случае с госкапитализмом. Таковы были взгляды оппо-

[1]) Зиновьев, «Ленинизм». Изд. 2, стр. 213.
[2]) Ленин, т XVIII, ч. 1, стр. 374.
[3]) Ibid,
[4]) Бюллетень XIV партс'езда, № 3, стр. 17.
[5]) Ibid., стр. 10 и 13.

зиции—т. Зиновьева и всей его «школы»—т.т. Сафарова, Залуцкого, Глебова-Авилова и т. д. Соответственные места из произведений этой «школы» приводились так часто и на с'езде и в нашей печати, что я не буду вновь утомлять читателя выдержками.

Сверим, однако, эти взгляды на торговлю с взглядами Маркса.

Капиталистический способ производства «предполагает в качестве своего базиса прежде всего товарное обращение». Товарное обращение и вырастающий на почве товарного обращения торговый капитализм являются «исторической предпосылкой для развития капиталистического способа производства»: 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому, что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям»... [1]).

Однако, «денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости» [2]).

Было бы вульгарным извращением марксизма ставить вопрос таким образом, будто в некапиталистической среде торговля никак не влияет на окружающие общественные отношения. «Развитие торговли и торгового капитала *повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость*, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость. *Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, но от характера самого старого способа производства.* В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. *Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами.*

«Такова природа дела, что, как только городская промышленность, как таковая, отделяется от земледельческой, ее продукты

---

1) «*Капитал*», т. III, ч. 1, стр. 311.
2) Ibid., стр. 312.

с самого начала являются товарными, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Таким образом, связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны сами собой. *Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это в большей мере зависит здесь от других обстоятельств.* В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии, более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промышленности. С другой стороны, в прямую противоположность развитию городов и его условиям, торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» [1]).

Революция в торговле, ее огромное расширение после великих географических открытий XVI и отчасти XVII века сыграли переломную роль в развитии европейского капитализма. Однако, Маркс прямо предупреждает от поспешных выводов в стиле «торговля *равна* капитализму»:

«Не подлежит никакому сомнению—и *именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам*,—что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система,—все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. *Между тем современный способ производства в своем первом периоде*, мануфактурном периоде, *развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века.* Стоит сравнить, например, Голландию с Португалией. А если в XVI и отчасти еще в XVII столетии быстрое расширение торговли и создание нового мирового рынка оказали подавляющее влияние на падение старого и на под'ем капиталистического производства, *то это, напротив, произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства*» [2]).

Что следует из этих обширных выписок из Маркса? В капиталистическом обществе торговля есть только момент в совокупном процессе общественного производства. «Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала,—с точки зрения воспроизводства всего общественного капитала,—очевидно, есть не что иное, как еще находящаяся на рынке, проходящая процесс своих метаморфоз *часть промышленного капитала*, которая теперь существует и функционирует, как товарный капитал» [3]).

---

1) «*Капитал*», т. III. ч. 1.
2) Ibid., стр. 317.
3) Ibid., стр. 257.

«Купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства» [1]).

В этом случае торговля оказывает то же действие, что и вообще капитализм. В своем победном шествии по лицу земного шара она едкой щелочью в'едается в докапиталистические общественные формации и преобразует их по образу и подобию бога *капитала*.

Рынок, торговля образует основу для триумфального шествия промышленного капитализма. С другой стороны, имманентная для последнего необходимость производить в прогрессивно увеличивающемся масштабе ведет соответственно к расширению рынка, к росту торговли. Все некапиталистические общественные уклады, попадающиеся в зубцы этого неумолимого механизма, или должны соответственно изменить свой облик, или беспощадно сметаются с поверхности подлунного мира, где все, как известно, «к лучшему». Но этот закон, обязательный для торговли, когда она является моментом в общем процессе *капиталистического* воспроизводства, теряет свое всеоб'емлющее значение во внекапиталистическую эпоху.

Ленин, устанавливая в конце XIX века факты, говорившие о развитии капитализма в России, отнюдь не аргументирует, исходя от торговли «вообще». Он ссылается на только что приведенные места из Маркса [2]), из которых делает вывод:

«Следовательно, в применении к России следует разрешить вопрос: *связывается ли* у нас торговый и ростовщический капитал с промышленным (капиталом. *В. К.*), ведет ли торговля и ростовщичество, разлагая старый способ производства, к замене его *капиталистическим* способом производства *или каким-либо иным*? *Это — вопросы факта, вопросы, которые должны быть разрешены по отношению ко всем сторонам русского народного хозяйства*» [3]).

Таким образом, ленинская методологическая установка вопроса о том, куда ведет развитие торговли, не абстрактна, исторически конкретна («вопрос факта»). Куда ведет торговля?—этот вопрос факта» Ленин ставит и решает при этом «по отношению ко всем сторонам народного хозяйства».

Можно ли после этого приписывать Ленину точку зрения, будто бы где торговля, там и капитализм? Эта точка зрения абсолютно верна *для капитализма*. Но мы в наше время, в СССР живем не в капитализме, как господствующем строе. Еще не в социализме,—но между нами и прошлым лежит Октябрь со всеми его завоеваниями. Мы живем в строе *переходном*, *уже ином* по отношению к капитализму. И в нашей общественной среде те законы и категории, которые мы унаследовали от прошлого, не могут не иметь иной об'ем, иное значение, иное применение. Наша задача—конкретно исследовать вопрос о том, как развивается торговля у нас, в каких случаях и к чему она ведет, а не повторять по-попугайски заученные и не понятые якобы марксовы «универсальные» законы.

Абсолютно верным, самой основной экономической азбукой является положение, «что на почве этой свободной торговли

1) Ibid., стр. 262.
2) Ленин. т. III, стр. 138.
3) Ibid., стр. 139.

(у нас) капитализм не может не расти». Устанавливая это положение, Ленин, однако, как мы видели выше, тут же ставит и ограничительный предел для него. «В какой мере—этого мы не знаем». «Не знаем»—потому что мы только что открыли двери этой свободной торговле, но *у нас* мера этому все же есть. И мера эта не совпадает с мерой роста капитализма из «всякой» торговли. Иначе был бы бессмыслен лозунг Ильича «учитесь торговать».

XIII с'езд РКП дал директиву передвинуть границы между государственной и частной торговлей в нашу пользу. А XIV с'езд установил, что партия в этом направлении одерживает первые успехи, что доля частной торговли—пока еще только относительно—стала в общей сумме нашего товарооборота падать. Не доказывает ли это, что мы *начинаем* уже не только «знать», но и устанавливать «меру» роста капитализма из торговли (конечно, только начинаем)?

Ленин там же устанавливает основной вопрос нашей стратегии—добиться того, чтобы крестьянство *на почве этой свободной торговли* пошло не за капиталистическим производством, которому мы разрешаем восстанавливаться (опять-таки в известных пределах), а за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество. Этого, опять-таки, мы достигнем развитием нашей социалистической промышленности, ведущей к социализму за собой миллионы крестьянских хозяйств. Сейчас, на долгий еще срок, наша промышленность смыкается с крестьянским хозяйством посредством торговли. «Торговля,—говорит Ленин,—вот то звено в исторической цепи событий, в *переходных формах нашего социалистического строительства*, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всею цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка».

Неправильный методологический подход, немарксистское, недиалектическое, механическое перенесение законов, свойственных одной общественной среде, в среду инородную не дает возможности нашей оппозиции уразуметь и ленинскую постановку вопроса о *кооперации для нашего строя, для нэповской*, но все же не «нэпмановской», не капиталистической, не буржуазной России.

Нет никакого сомнения, что для буржуазного ума явится неразрешимой загадкой сопоставление того, что Ленин писал про кооперацию в 1903 году, с его предсмертной статьей «О кооперации»:

«Сторонники буржуазии носятся, как с писанною торбой, со всякими кооперациями (союзами для дешевой закупки и выгодной продажи). Находятся даже люди, которые называют себя «социалистами-революционерами» и даже кричат вслед за буржуазией, что всего нужнее крестьянину—кооперация. Начинают заводить всякие кооперации и у нас в России, но у нас еще очень мало их, и до тех пор будет мало, покуда не будет политической свободы. А вот в Германии есть очень много всяких коопераций среди крестьян.

«Посмотрите, кому больше всего помогают эти кооперации. Во всей Германии 140 тысяч сельских хозяев участвуют в това-

рищеcтвах для сбыта молока и молочных продуктов, и у этих 140 тысяч хозяев (мы берем опять круглые цифры для простоты) 1.100 коров. Бедных крестьян считают во всей Германии четыр миллиона. Из них только 40 тысяч участвуют в товариществах, значит, из каждой сотни бедняков только один пользуется этими кооперациями. Коров у этих 40 тысяч бедняков всего только 100 тысяч. Далее, средних хозяев, средних крестьян—один миллион; из них 50 тысяч участвуют в кооперации (значит, пять человек из сотни) и коров у них 200 тысяч. Наконец, богатых хозяев (т.-е. и помещиков и крестьян вместе) одна треть миллиона; из них участвуют в кооперации 50 тысяч (значит, семнадцать человек из каждой сотни!) и коров у них 800 тысяч.

«Вот, кому помогают, прежде всего, и больше всего все кооперации. Вот как водят за нос мужика люди, которые кричат о спасении среднего крестьянина всякими подобными союзами для дешевой покупки и выгодной продажи. Уж очень дешево хочет буржуазия «откупить» мужика от социал-демократов, которые зовут и бедноту и среднего крестьянина на свою сторону!

«У нас тоже заводят разные сыроваренные артели да сборные молочные. У нас тоже сколько угодно имеется людей, которые кричат: артели да мирской союз, да товарищества, вот что мужику надобно. А посмотрите-ка, кому эти артели, да товарищества, да мирские аренды идут на-руку?

«У нас из каждой сотни дворов не меньше двух десятков вовсе не имеют коров; три десятка имеют по одной корове: эти продают молоко из горькой нужды, дети остаются без молока, голодают и мрут, как мухи. Богатые же мужики имеют по 3, по 4 коровы и больше, и у этих богатых мужиков половина всех крестьянских коров. Кому же на пользу идут сыроваренные артели? Ясное дело, что, прежде всего, помещикам и крестьянской буржуазии. Ясное дело, им выгодно, чтобы средние крестьяне и беднота тянулись за ними, чтобы средством избавления от нужды считали не борьбу всех рабочих со всей буржуазией, а стремление отдельных хозяйчиков выкарабкаться из своего положения и пролезть в богатеи.

«Это стремление поддерживают и поощряют на все лады все сторонники буржуазии, прикидываясь сторонниками и друзьями мелкого крестьянина...»

(Из брошюры «К деревенской бедноте», т. IX, стр. 342).

Что случилось? Как связать эту категорическую и не допускающую никаких сомнений постановку вопроса с другой, тоже весьма недвусмысленно выраженной точкой зрения, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», «что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма»?

Конечно, с Лениным-то ничего не случилось, он как был гениальным диалектиком-материалистом, так и остался им до самого конца своих дней. Но время утекло, сама действительность изменилась, а азбукой для марксиста является положение, что каждая полоса истории имеет свои, ей одной свойственные исторические законы.

Кооперация—формально одно и то же явление—имеет при капитализме и при диктатуре пролетариата диаметрально противоположное значение.

Мы нарочно выписали такой большой отрывок из ленинской работы 1903 года, чтобы показать как Ленин ставил вопросы. Из кооперации, как и из торговли, не как из голой формы вообще, следуют те или иные последствия. Все это зависит от той конкретной исторической среды, в которой действует кооперация, от того, какое об'ективное историческое содержание наполняет эту форму, а это содержание в итоге определяется характером всего общественного строя в его развитии и тем, что хочет (и что может, конечно) господствующий класс.

Тов. Зиновьев считает нашу кооперацию, строящуюся (хотя еще и не построенную до конца) по ленинскому плану—госкапитализмом: «Здесь (в ст. «О кооперации») нет никакого противоречия с тем, что сказано в «Продналоге» о кооперации, как виде «государственного капитализма». Ведь и государственный капитализм есть у нас дорога к социализму. Ведь и о государственном капитализме в пролетарском государстве Ленин говорил, что это «три четверти» социализма» [1]). «Брошюра «О продналоге», которую мы цитировали выше, и «Запись из дневника» о кооперации представляют во всем основном одну логическую вещь» [2]).

Это совершенно верно, что «Запись из дневника» о кооперации и брошюра «О продналоге» представляют во всем одном одну логическую цепь. Только логика этой цепи есть ленинская, диалектическая логика. Эта логика знает закон качественных изменений. В статье «О продналоге» в 1921 году Ленин говорит о государственном капитализме, как об основном и важнейшем укладе в нашем строе, укладе, составляющем для нас «основное звено». В общей связи с этой ролью госкапитализма он рассматривает и кооперацию, говоря о «кооперативном капитализме», о том, что она «неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию» [3]). Кооперация, смыкающаяся с городским государственным капитализмом, конечно, сама остается видом государственного капитализма.

На ряду с этим, однако, в брошюре «О продналоге» есть нити, прямо связывающие ее со статьей «О кооперации» в смысле трактовки вопроса о социальной природе кооперации. В «Продналоге» подчеркивается, что кооперация «облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно», что кооперативная политика «дает нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного об'единения».

Но только в статье «О кооперации», после того, как концессии не получили того развития, как это предполагалось, после того, как наметились первые хозяйственные успехи нашей государственной промышленности на рельсах нэпа—только после этого Ленин заговорил о «совершенно исключительном значении» кооперации, о принципиальном значении третьего вида предприятий,—кооперативных, раньше не имевших самостоятельного значения. Ленин написал о коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм, о

---

[1]) Зиновьев, «Ленинизм», стр. 253.

[2]) Там же, стр. 227.

[3]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 219.

кооперативном социализме, а не кооперативном капитализме, о совпадении в нашем строе, при нaших условиях сплошь да рядом кооперации с социализмом. Вопрос о кооперировании крестьянства стал центральным с точки зрения социалистической эволюции крестьянства, вырос в задачу, в план конкретного осуществления еще в «Продналоге» теоретически намеченной возможности:

«Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния (патриархальщины. *В. К.*) к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется» [1]).

Вот в этом контексте последняя работа Ленина, хотя и вырастает диалектически из его предшествующих работ, является принципиально новым обогащением марксизма. Она является новым завоеванием марксистской науки, а т. Зиновьев в своих формулировках, замазывая это, тянул нас назад. В своем дневнике, в нескольких страницах, Ленин дал новый вклад в нашу теорию, сформулировав в первый раз с такой ясностью то значение, которое приобретает кооперация, для некапиталистической эволюции к социализму докапиталистического хозяйства при диктатуре пролетариата, при строящемся социализме.

Это новое слово марксистско-ленинской теории отнюдь не имеет только чисто русское значение. Это есть столбовая дорога к социализму для мировой—азиатской и вообще колониальной, в первую голову—деревни при диктатуре пролетариата в «метрополиях», при строящемся социализме в мировом городе.

«Можем ли мы признать правильным утверждение,—говорил Ленин,—что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса? Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [1]).

Когда настанет день конкретного выполнения этой, стоящей пока только теоретически задачи, ленинский план кооперирования пригодится всему мировому пролетариату и будет осуществлен в величайших размерах. Пригодится он и в тех развитых капиталистических странах, где все еще есть мелкое крестьянство.

Чтобы показать, как новое слово в теории, вырастая из предшествующего развития этой же теории, все же может быть принципиально новым, вспомним постановку у Ленина вопроса о наших взаимоотношениях с крестьянством. Со всем крестьянством против царя и помещика, с пролетарским и полупролетарскими слоями крестьянства против капиталиста и кулака. Таково содержание двух первых лозунгов Ленина о крестьянстве. А на VIII с'езде он провозгласил союз с середняком для социалистического строительства. Вытекает этот третий лозунг из первых двух? Да, вытекает. Составляют ли они «одну логическую цепь», как выражается т. Зиновьев? Да, составляют. Но можно ли ограничиться «только» такой характеристикой этого третьего лозунга? Нет, на основе всего прошлого развития нашей тактики мы имеем в третьем лозунге новое, принципиально важное, достижение большевизма. Так и с кооперацией.

В той тщательности, с какой т. Зиновьев заботился о том, чтобы кто-либо как-нибудь не «противопоставил» «Продналог» статье «О кооперации», в многократном подчеркивании того, что в последней мы имеем «только» развитие взглядов первого, кроется на деле непонимание, недооценка ленинского кооперативного плана, игнорирование того, какую невиданно-огромную новую роль начинает играть эта старая форма в новых общественных условиях.

Марксизм обогатился, новое возникло в нем, и эта не иссякающая способность марксизма теоретически осмысливать новую действительность, по-новому подойти к старому по внешности явлению, форме, помещенной в иную социальную среду, является одним из признаков его величайшей жизнеспособности. Не уметь так воспринять марксизма—значит превратить его из руководства действием в мертвую догму.

Указания, что при пролетарской диктатуре «целый ряд вопросов не может стоять так, как он стоит для пролетариата в буржуазном обществе» [2]), деланные не раз т. Бухариным, вызвали по его адресу со стороны оппозиции обвинение в левой эсеровщине, струвистском извращении марксизма и во многих других «хороших вещах». Многие помнят печально-знаменитую статью т. Вардина в старой «Ленинградской Правде» (18/XII—25): «Родственный лево-эсерам «левый коммунизм» в рядах нашей партии фактически сохранился, он имеет во главе старых вождей—против них необходима старая ленинская большевистская (во, как! *В. К.*) борьба». В ней же и «перлы», направленные по адресу ЦК, об отражении «кулацко-нэпмановской идеологии». Это был голос наиболее визгливый, но отнюдь не одинокий.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 222.

[1]) II конгресс Ком. Интерн. Стеногр. отчет. Речь Ленина по национальн. вопросу, стр. 119.

[2]) Бухарин, «К вопросу о троцкизме», стр. 146.

Между тем т. Бухарин совершенно правильно напоминал, что при диктатуре пролетариата Ленин говорил не только о классовой борьбе, но и о классовом сотрудничестве (в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»). Выводы, которые делал из этого тов. Бухарин, также совершенно правильны: «Генеральная линия пролетариата при капитализме—это линия на взрыв общественного целого, на раскол общества, на разрушение государства. Генеральная линия пролетариата при его диктатуре—это линия на укрепление общественного целого, линия против раскола общества, линия за упрочение государства (до той фазы, когда начнется «отмирание» его). При капитализме пролетариат—за революцию против данного порядка вещей. При пролетарской диктатуре рабочий класс—за эволюционное движение к коммунизму, ибо государство пролетариата не разрушается, а «отмирает». При капитализме пролетариат стоит за гражданскую войну внутри общества. При своей собственной диктатуре, при ее укреплении, он за гражданский мир. Он карает за нарушение этого гражданского мира» [1].

Тов. Бухарин говорит об общей **стратегической** линии пролетариата в классовой борьбе при диктатуре пролетариата. Он предупреждает, что, «разумеется, было бы глупейшей маниловщиной и сентиментальным отрицанием марксизма, если бы мы это будущее целиком перенесли в настоящее и проглядели классовую борьбу теперь, различные формы классовых трений между рабочими и крестьянами, дифференциацию внутри крестьянства и проч.» [2].

Теоретически т. Бухарин поставил вопрос вполне по-марксистски. Классовая борьба до диктатуры пролетариата и при ней протекает различно, и линия партии в отношении этого существеннейшего вопроса не может этого не учитывать. А тов. Сафаров в своей хорошо известной читателям «Большевика» трактовке «высших и низших форм борьбы» проповедует мораль, смысл которой сводится к тому, что нэп хотя и всерьез и надолго, но не навсегда, что когда подоспеют резервы с Запада, мы сменим «низшие» нэповские формы борьбы на новое октябрьское наступление. Вместо конкретно-исторического анализа изменившейся обстановки и изменившихся задач мы видим шаблонерское натаскивание «универсальных» схем на живую действительность. Ошибка и здесь лежит по той же линии, в непонимании диалектики общественного развития.

Ларинская «вторая» революция логически увязывается с сафаровской трактовкой (и с трактовкой тов. Зиновьева) нашей современной классовой борьбы в деревне, точно так же, как сафаровские «высшие и низшие» формы борьбы базируются на определении нэпа, как только отступления.

Сопоставляя с этим точку зрения т.т. Каменева и Зиновьева на решения XIV конференции, как на уступку кулаку, мы находим в этом подтверждение тому, что ошибка их состоит в перенесении дореволюционных перспектив на наше общественное развитие: конец отступления будет каким-то изломом в нэпе, переходом к «высшим формам борьбы» с нашей стороны, будет новым революционным походом на кулака, от которого мы сейчас лишь

[1] Ibid., стр. 146.
[2] Ibid., стр. 150.

откупаемся уступками, будет новой, при нашей власти, от нас исходящей, волной гражданской войны в деревне.

Свой подход к нашей советской общественной и экономической организации с тем же самым аршином, с каким марксисты подходят к капиталистическому обществу (не в смысле метода, конечно, а в смысле недиалектического механического перенесения категорий и лозунгов из одной общественной среды в другую) оппозиция срезюмировала, определив **весь наш строй**, в том числе и нашу госпромышленность, как **госкапитализм**.

В этом определении сказалась своеобразная фетишизация капиталистических **форм** (торговля, зарплата и пр.), которая закрыла от взора т.т. из оппозиции изменившееся социальное содержание, стоящее за старыми, взятыми от капитализма, формами.

Однако, нужно же было об'яснить своеобразие нашего госкапитализма, нужно же было отгородиться от меньшевиков и прочей белой компании, которая без обиняков говорит о советском капитализме. Т.т. из оппозиции стали искать особенности нашего госкапитализма в том, что это... капитализм без капиталиста, без эксплоатации, даже вовсе без капитализма. Эта премудрость была из среды оппозиции провозглашена, однако, не только косвенно, а так-таки прямиком, без всяких обиняков [1].

«Государственный капитализм,—писал Ленин,—это тот капитализм, который мы сумеем ограничить... Государственный капитализм—**это тот капитализм**, который мы должны поставить в известные рамки»... (из доклада на XI с'езде, т. XVIII, ч. 2).

Говоря о госкапитализме, Ленин, конечно, имел всегда в виду и персонально суб'екта капиталистической эксплоатации—капиталиста. О том, что в концессии, аренде, подконтрольном предприятии и торговом заведении, в смешанном обществе,—что во всех этих разновидностях госкапитализма есть капиталист, не требуется и доказывать. Но когда Ленин говорил, в 1921 году, о кооперации, как о «простом, менее отчетливом, более запутанном» виде госкапитализма, он прямо пальцем указывал на «персону»,—на капиталиста: «Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о

[1] Например, тов. Горшенин в «Ленингр. Правде», от 19 декабря 1925 г., обрушивается на слова т. Бухарина о том, что «госкапитализм при пролетарской диктатуре—это все-таки капитализм», а «капитализма без капиталиста быть не может».

«Что сущность капитализма при диктатуре пролетариата заключается не в том, что это капитализм,—пишет т. Горшенин,—можно «ясно видеть» из доклада Ленина, где он говорит о «**мелких крестьянских шахтах**, которые стали сдаваться в аренду. Мы видим развитие отношений государственного капитализма» на этих шахтах, говорит Ленин».

«Спрашивается,—заключает т. Горшенин,—есть здесь капиталистическое отношение, «эксплоатация», которая, по Бухарину, является главным признаком государственного капитализма? А, ведь, здесь идет речь как раз о крестьянах-некапиталистах, больших или маленьких, все равно арендующих шахты у государства. По Ленину—эксплоатации нет, но отношение государственного капитализма есть, потому что остаются товарно-денежные отношения».

Что в лето ст Рождества Христова 1925 находятся в коммунистической партии чудаки, которые, вслед за блаженной памяти народниками, вновь по-народнически толкуют крестьянские «промыслы», от этого приходится только разводить руками. Почему т. Горшенин полагает, что арендаторами национализированных мелких крестьянских шахт являлись обязательно крестьяне-некапиталисты?

преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду» [1]).

Государственный капитализм без капитализма, капитализм без капиталиста является изумительнейшим порождением оппозиционной фантазии. Конечно, и государственный капитализм видоизменяет свое значение в зависимости от характера общественного строя. В государстве капиталистическом госкапитализм усиливает капитализм, усиливает капиталистов, отягчает эксплоатацию, ухудшает условия продажи рабочей силы, несмотря на то, что он является важнейшей предпосылкой для осуществления социализма. В пролетарском государстве госкапитализм ставится под контроль пролетариата, эксплоатация в нем ограничивается, урезывается, он усиливает, в конечном счете, не капитализм, а социализм, ускоряет его строительство, облегчая учет и контроль, увеличивая производительные силы в стране. В последнем заключается его особенность, а вовсе не в том, что он без капитализма и капиталиста.

Оппозиция не умеет понять своеобразия нашего строя. Она подходит к нему не диалектически, без марксистского конкретного анализа этого своеобразия, что ведет к слепому перенесению категорий капиталистических, в неизмененной форме и степени, в иную, еще не социалистическую, но уже переходную и уже в значительной части некапиталистическую среду. Этим самым она искажает и Ленина, ибо величие ленинского гения состояло не в доктринерском восприятии марксизма, а в конгениальной диалектической ориентировке, с помощью метода марксизма, в новых условиях новой действительности.

Спору нет, торговля в СССР еще порождает весьма и весьма капиталистические отношения, спору нет—за ленинский путь кооперативного строительства надо еще много и упорно бороться, классовая борьба и в весьма острых формах является пока еще неот'емлемой принадлежностью нашего советского строя, госкапитализм нам еще весьма и весьма пригодится в деле строительства социализма и т. д. Но все эти формы и категории имеют не то значение и не тот об'ем действования, как это было до пролетарской революции.

Не понимать этого, значит не понимать того, что произошло в октябре 1917 года.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 219. «О продналоге».

М. Рютин.

О лозунге равенства.

I.

В тактике и стратегии коммунистической партии правильность даваемых лозунгов играет огромную роль. Дать правильный лозунг—значит успешно мобилизовать массы вокруг той или иной ближайшей или отдаленной, частной или общей, основной или второстепенной задачи. И, наоборот, дать ошибочный лозунг—значит дискредитировать партию, значит внести разброд в массы.

Мы боремся за ниспровержение капитализма, за пролетарскую диктатуру, за коммунизм,—это наши постоянные лозунги, содержащиеся в программе партии. Они ясны для каждого большевика.

Но в тактике может итти речь о том, чтобы в один момент тот или иной лозунг особенно выпятить, сделать его ударным, стержневым, в другой—несколько отодвинуть назад, поставив на его место следующий. Здесь уже возможны некоторые тактические промахи.

Но в практической политике, кроме этих лозунгов, нужны еще лозунги частные, касающиеся того или иного политического события, текущего политического момента или данного исторического этапа. Здесь ошибки встречаются очень часто. Тем больше мы должны учиться давать такие лозунги. Тем больше внимательности должно быть проявлено при их выработке.

К каждому лозунгу мы должны пред'являть ряд требований.

Во-первых, лозунг должен быть дан своевременно. Раннее появление лозунга для борющейся партии может принести отрицательные результаты. Позднее—может сделать лозунг ненужным, пустым, бездейственным и даже вредным.

Во-вторых, лозунг должен быть ясен. Он не должен допускать двоякого толкования. Ленин еще в 1905 году говорил: «Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги».

Ленин подчеркивал: «Партия борющегося класса должна при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, не допускающих двух толкований, ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет, делать ли нам теперь же, в данный момент, то-то или не делать».

В-третьих, каждый лозунг должен строиться на учете всей данной экономической и политической обстановки, он должен исходить из общих тактических задач и строиться на основе всей партийной стратегии.

Или иначе, как Владимир Ильич пишет: «Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей со-

вокупности особенностей определенного политического положения». (Ленин, том XIV, «К лозунгам»).

С таким же мерилом мы, несомненно, должны подходить и к лозунгу «равенство», выдвинутому в печати перед XIV с'ездом нашей партии.

По ряду причин на анализе и раз'яснении этого лозунга мы должны остановиться особенно подробно.

Уравнительные тенденции у нас, несомненно, имеются и у части (неквалифицированной) рабочего класса, они имеются и в деревне у известной части деревенской бедноты, они захватывают иногда и отдельные группы членов партии.

Затем, в данный момент, мы констатируем огромную активность не только у рабочего класса, а в деревне у бедняков и середняков, но и у враждебных нам социальных прослоек. Поэтому нам сейчас надо строго учитывать, что неправильный лозунг, или даже просто неясный, будет вышеназванными враждебными элементами использован в своих классовых целях.

Наконец, необходимо иметь в виду, что лозунг равенства выдвинут был теперь, как равноценный лозунг борьбы за социализм, за коммунизм. Именно такое толкование дала ему оппозиция. Здесь мы, таким образом, имели тенденцию заменить наш старый, испытанный, ясный лозунг—лозунг борьбы за социализм—новым, якобы не менее для нас приемлемым.

Отсюда вытекает настоятельная потребность разобраться и в проблеме равенства и в лозунге равенства.

II.

Нас здесь ни в какой мере не может интересовать философско-психологическая постановка проблемы равенства. Нам нет надобности заниматься дюринговским «равенством двух человеческих воль», общей человеческой «суверенностью индивидуума» и тому подобными идеалистическими бреднями.

Нас интересует общественно-политическое содержание понятия равенства. И постановка вопроса для нас важна именно в данной плоскости. Выяснение этой стороны содержания понятия равенства определит и ценность лозунга равенства, как нашего коммунистического лозунга.

Энгельс в своем «Анти-Дюринге» по вопросу о равенстве пишет:

«Представление о том, что все люди, как люди, имеют между собой нечто общее и, насколько простирается это общее, равны меж собой,—это представление, разумеется, очень старо. Но от этого представления совершенно отлично современное понятие о равенстве, которое непосредственно соединяется с требованиями равенства социального и политического положения всех людей, по крайней мере, всех граждан одного государства или всех членов одного общества. Для того, чтобы из первобытного представления об относительном равенстве выработалось новое понятие о равноправии в государстве и обществе и оно стало казаться чем-то естественным, само собою разумеющимся, человечеству потребовались целые тысячелетия».

Из сказанного видно, что общественно-политическое содержание понятия равенства не было неизменно. Оно менялось вместе с изменением самой классовой природы и экономики человеческого общества.

В древнейших общинах говорилось лишь в лучшем случае о равноправии членов общины, исключая отсюда чужестранцев, рабов и женщин.

У греков неравенство в общественных и экономических отношениях играло еще большую роль. Там даже самая мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы могут быть в политическом отношении равными—должна была казаться безумной. Там в сознании свободных греков и римлян (у последних на первой стадии их развития) понятие равенства имело только один смысл—равенство рабовладельцев. И, наоборот, в сознании рабов понятие равенства должно было означать уничтожение рабской зависимости и самого рабства.

Для рабовладельческой эпохи последнее содержание в понятии равенства было наиболее революционным и наиболее прогрессивным.

Для эпохи феодализма, поскольку мы там встречаемся с лозунгом равенства (например, в Великой крестьянской войне в Германии), об'ективно-революционное содержание этого лозунга сводилось к уничтожению феодального гнета и к освобождению от вассальной зависимости.

Затем, «феодальное средневековье» «воспитало в своей среде тот класс, который был призван впоследствии сделаться носителем современного требования равенства, а именно буржуазию» (Энгельс).

В этой эпохе капиталистического развития и буржуазного господства лозунг равенства нашел свое наиболее блестящее теоретическое обоснование у Жан-Жака Руссо, а свое практическое применение, наиболее яркое, наиболее последовательно-буржуазно-революционное в самой Великой Французской Революции.

Учение Руссо о «происхождении и причинах неравенства между людьми» и его «общественный договор», заключает в себе, в форме внешнего радикализма этих произведений, вдохновенную песнь буржуазному равенству. Несмотря на то, что Руссо принадлежат знаменитые слова: «Первый кто огородил клочок земли и сказал «это мое»—был виновником неравенства»,—Руссо, тем не менее, не только не был противником частной собственности, но, наоборот, ее сторонником. Его последователи и, в частности, Робеспьер, частную собственность точно так же считали неприкосновенной. Именно поэтому учение Руссо о равенстве не выходит из рамок буржуазного господства, именно поэтому его учение о равенстве было революционным требованием буржуазии, переведенным на философский язык французских просветителей.

На какой почве этот лозунг равенства тогда базировался? Государственная система оставалась тогда еще феодальной, тогда как общественные отношения становились все более и более буржуазными. Развивавшаяся промышленность и торговля, как внутренняя, так и международная, требовали и «свободных» рабочих рук, и «свободных» в своих движениях товаровладельцев. Новые отношения требовали, чтобы продавец и покупатель рабочей силы встречались на рынке труда, как «равные». Потребность в свободных рабочих руках требовала также и освобождения крестьян от феодальной зависимости, их политического «равенства».

Свобода и равенство Великой Французской Революции были провозглашены «правами человека». Энгельс раз'ясняет внутренний смысл и этих прав и лозунгов свободы, равенства. Он пишет: «Упомянутое требование приняло всеобщий, расширяющийся за пределы отдельного государства характер, и вследствие этого свобода и равенство были провозглашены правами человека. Весьма характерно для понимания специфически буржуазного значения этих прав человека, что американская конституция, первая, которая признала права человека, одновременно с этим освятила законом существовавшее в Америке рабство цветных людей: классовые привилегии устраняются, расовые же узаконяются» («Анти-Дюринг», стр. 53, курсив наш. *М. Р.*).

Буржуазное равенство не идет дальше формального политического равенства. В настоящее время мы больше, чем когда-либо, хорошо знаем, что буржуазное политическое равенство уживается бок о бок с величайшими насилиями над рабочим классом, над пролетарскими революционерами. Там, где мы встречаемся с высшими формами формального политического равенства (всеобщее избирательное право), там же мы обычно встречаемся и с высшими формами экономического неравенства и капиталистической эксплоатации.

Маркс в своей брошюре «К еврейскому вопросу» блестяще вскрывает буржуазную сущность лозунга: «свобода, равенство и братство». Он пишет: «Практическое применение человеческого права на свободу есть право человека на частную собственность» (Маркс и Энгельс, «Литературное наследство», изд. т-ва «Мир», т. I, стр. 351).

И дальше: «Egalité (равенство) в его неполитическом значении есть не что иное, как равенство вышеописанной liberté (свобода), а именно: каждый человек одинаково рассматривается, как одинаково замкнутая в себе монада».

Подводя итоги, Маркс подчеркивает, что «ни одно, следовательно, из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека, как члена гражданского общества, т.-е. как индивида, ушедшего в себя, в свои частные интересы и свою частную волю и обособившегося от общежития» (Маркс и Энгельс, «Литературное наследство», т. I, стр. 371, изд. т-ва «Мир»).

Но гражданское общество—это буржуазное общество. Следовательно, лозунг «свобода, равенство и братство» и является лозунгом буржуазного общества.

Буржуазия еще и в настоящее время не отказывается от использования лозунга равенства и ловит на эту удочку несознательных, политически отсталых рабочих и мелкую буржуазию. Мелко-буржуазные партии, эсеры и меньшевики, точно так же с лозунгом равенства носятся, как с писанной торбой.

Тем больше нам нужно проявить теоретической последовательности тогда, когда этот лозунг выставляют как якобы пролетарский.

Пролетариат и его партии понимают, естественно, под равенством нечто совершенно иное, чем буржуазия. Пролетариат буржуазному требованию отмены классовых привилегий противопоставляет свое требование—уничтожение классовых различий и самих классов.

С точки зрения рабочего класса равенство должно осуществляться не только в области политических отношений, но и в общественной и экономической жизни.

«Требование равенства в устах пролетариата имеет, таким образом, двоякое значение. Либо оно является—и это бывает особенно в самом начале, в крестьянской войне,—стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, протестом бедных против богатых, рабов против господ, голодных против расточителей, и как таковое, оно является простым выражением революционного инстинкта, и в этом, только в этом, находит свое оправдание. Когда же пролетарское требование возникает в форме реакции против буржуазного требования равенства, черпая из последнего более правильные и широкие выводы, и это требование сопровождается агитацией среди рабочих против капиталистов,—в этом случае оно обусловливается самым существованием буржуазного общества и может замолкнуть только с прекращением последнего. Во всяком случае, действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованиям отмены классов. И требование равенства, которое простирается далее этого, необходимо впадает в абсурд» (Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 53).

Пролетарское требование равенства «возникает в форме реакции против буржуазного требования равенства». Мы в это требование вкладываем понятие отмены классов, т.-е. выдвигаем требование социализма. Наша задача, следовательно, сводится в данном случае к тому, что мы вскрываем классовую подоплеку буржуазного лозунга равенства и под тем же псевдонимом противопоставляем ему пролетарское требование социализма и уничтожение всякого классового господства.

Принимая, таким образом, данный лозунг, мы поднимаем политический кругозор пролетариата с одной ступеньки буржуазного сознания на другую ступеньку пролетарского классового сознания, пользуясь готовой уже словесной оболочкой, данной нам в руки самой буржуазией, и заменяя одно ее содержание другим.

Необходимо иметь в виду, что лозунг равенства находил в пролетариате широкую почву именно тогда, когда сама пролетарская идеология не поднялась еще выше утопического социализма.

Когда пролетариат получил в свои руки такое теоретическое оружие, как революционный марксизм, тогда он в своей наиболее сознательной передовой части окончательно отказался от этого лозунга: пролетариату ненужен оказался уже псевдоним «равенство». Он для выражения классовых целей своей борьбы нашел более точные и ясные выражения: «да здравствует социализм», «да здравствует коммунизм».

Компартии некоторых стран в некоторых случаях и теперь могут подхватывать лозунг равенства, когда его выдвигают сами рабочие массы. При этом партия в таких случаях должна вкладывать в него строго определенное пролетарское содержание, раз'ясняя и раскрывая это содержание массам. Но это еще не основание для того, чтобы партия сама выдвигала данный лозунг в тот момент, когда рабочие массы стоят уже на более

высоком уровне и требуют более определенных и четких формулировок конечных целей своей борьбы.

Наша же партия ни при каких условиях не может принять или выдвигать лозунг равенства, ибо мы уже осуществляем пролетарскую диктатуру, ибо мы уже начали строить социализм. В капиталистических странах выдвижение рабочими лозунга равенства может в известных случаях характеризовать переход их от политической отсталости и пассивности к политической активности и политической сознательности. Это будет явлением революционным. У нас выдвижение лозунга о равенстве той или иной группой рабочих с неизбежностью должно свидетельствовать о том, что они политически или не подвинулись вперед, или идут назад и захвачены мелко-буржуазным влиянием.

Особый смысл вкладывается в лозунг равенства *крестьянством*.

В буржуазно-демократических революциях крестьянство направляет требование равенства против помещиков, пробивая им, как тараном, твердыни крупного крепостнического землевладения и монархий, расчищая пути к развитию капитализма на основе общественных отношений, очищенных от феодализма.

При перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую пролетариат использует крестьянское стремление к равенству и крестьянское требование равенства, чтобы повести крестьянство уже не только против помещиков, но и против буржуазии.

Иное содержание для крестьянства лозунг равенства получает в эпоху диктатуры пролетариата, когда буржуазно-демократическая революция окончена и когда буржуазия, в основном, побита. В эту эпоху буржуазная контр-революция сплошь и рядом спекулирует на лозунге «равенство рабочих и крестьян», направляя его острие против диктатуры пролетариата. Известно, как тов. Ленин лозунг равенства такого рода называл колчаковским лозунгом.

Итак, идея равенства так же стара, как и сама человеческая история. *Каждая эпоха и каждый класс в эту идею вкладывали свое содержание.*

III.

Каждый политик, бросая лозунг, обязан учитывать не только то, какое содержание он сам вкладывает в бросаемый лозунг, но в особенности то, какое содержание в него будет вкладываться теми широкими массами, которые его будут подхватывать. Спрашивается, какое же содержание будет вкладываться сейчас, при диктатуре пролетариата, в лозунг равенства. Только буржуазное или мелко-буржуазное.

Именно поэтому Владимир Ильич в своей речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства так бичевал и эти лозунги и бросающих их. Он говорил:

«Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства, помимо уничтожения классов, есть глупейший вздорный предрассудок».

И дальше:

«Мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу

между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница, не социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социалист в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика,—спор о словах. Социализм это есть первая стадия коммунизма, но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода, на мельницу буржуазии».

Эта речь была произнесена Владимиром Ильичем 19 мая 1919 года. С того времени мы провели победоносно невиданную в истории гражданскую войну, перешли к новой экономической политике, отступление сменилось наступлением, мы успешно строим социалистическое хозяйство, но критика, данная Лениным лозунгу равенства, остается верной полностью и в настоящее время.

В самом деле. Мы осуществляем пролетарскую диктатуру, это открытое, обнаженное выражение неравенства. В этот момент нельзя выдвигать лозунг равенства без того, чтобы об'ективно он не был направлен своим политическим острием против пролетарской диктатуры.

У нас нет политического и экономического равенства между рабочими и крестьянами. При таком положении вещей лозунг равенства неизбежно был бы направлен к обострению взаимоотношений двух основных классов Советского Союза, а, следовательно, и к ослаблению союза пролетариата с крестьянством.

У нас нет полного экономического равенства в рядах самого рабочего класса. Лозунг равенства внес бы неизбежно разброд и в рабочие массы.

Наконец, у нас нет экономического равенства и в самой партии. Лозунг равенства поднимает здесь настроение противопоставления низов и верхов и ослабляет таким путем единство партии и ее сплоченность.

Лозунг равенства в данный момент не удовлетворяет всем требованиям, пред'являемым нами к лозунгам.

Этот лозунг в настоящее время несвоевременен. Понимаемый, как лозунг борьбы за социализм, он опаздывает почти на полсотни лет. Тогда, пятьдесят лет тому назад, до зарождения пролетарской партии, он, будучи псевдонимом социализма, толкал бы рабочий класс и на экономическую, и на политическую борьбу, тогда он был бы ступенькой к более точному лозунгу борьбы за коммунизм. Теперь он является ступенькой назад от нашего точного лозунга к мелко-буржуазному мировоззрению.

Дальше, лозунг равенства сейчас больше, чем когда либо, не ясен. В нем «каждый будет слышать только свое». Неквалифицированный рабочий поймет его по-своему, деревенский бедняк по-своему, нэпман и кулак тоже по-своему. Лозунг равенства в настоящее время внес бы величайший разброд в массы рабочих и крестьян.

Наконец, лозунг равенства в настоящее время не только не может быть «выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения», но, наоборот, почти целиком противоречит этой совокупности.

Равенство приемлемо для нас только, как уничтожение классов. В настоящий же переживаемый период мы, идя к уничто-

жению классов, однако, пока что, имеем их «качественный» и количественный рост. Растет рабочий класс, растет кулак, растет, в известной мере, новая городская буржуазия.

Затем. Мы покончили с господством буржуазии и осуществили пролетарскую диктатуру. Мы национализировали почти всю промышленность, железные дороги, водный транспорт. Здесь мы добились уничтожения эксплоатации человека человеком. Это гигантский шаг к полному равенству—к коммунизму. Но полного равенства в итоге экспроприации экспроприаторов мы еще не добились. Осталось неравенство в заработной плате рабочих различных квалификаций. Имеются ставки для буржуазных специалистов. Такое неравенство не только еще останется весьма долгое время, но, повидимому, в некоторой части, в ближайшие годы кое-где будет даже расти.

Решение XIV Всесоюзной партийной конференции, касающееся развертывания товарооборота в деревне, решение партии о праве пользования наемным трудом, о праве аренды—решения, преследующие, в конечном счете, цели социалистического накопления, вместе с тем тоже связаны с частичным ростом экономического неравенства в деревне.

«Совокупность» особенностей данного периода не мирится с лозунгом равенства точно так же, как лозунг равенства—с политикой и экономикой настоящего периода.

Политического равенства при пролетарской диктатуре мы не можем дать.

Экономического равенства всех при новой экономической политике не может быть. Лозунг равенства, с какой угодно стороны, остается для партии, следовательно, не только неприемлемым, но и вредным.

Полное и настоящее равенство осуществится только с уничтожением классов, только при полном торжестве коммунизма. Даже при социализме, который Ильич называет первой фазой коммунистического общества, даже тогда мы полного равенства иметь не будем.

Маркс об этой фазе коммунизма в своей брошюре «Критика Готской программы» пишет: «Здесь мы имеем дело с коммунистическим обществом, не как оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, как оно еще только выходит из капиталистического общества,—значит, еще покрытым во всех отношениях—экономическом, нравственном, умственном—родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит. Сообразно с этим отдельный производитель получает от общества обратно, за всеми вычетами, ровно столько, сколько отдает ему, а отдает он ему свое индивидуальное количество работы».

Здесь мы имеем социалистические производственные отношения, ибо частная собственность на средства и орудия производства уничтожена, эксплоатация человека человеком исчезла, но полного равенства и тут при социализме, как низшей фазе коммунизма, мы еще не имеем. Каждый получает в виде продуктов и средств для существования за всеми вычетами столько, сколько отдает обществу в виде индивидуального количества работы, т.-е. один получает больше, другой меньше. Буржуазия и буржуазные ученые, а также господа Каутские и компания на всех капиталистических базарах кричали и кричат о том, что мы обещали равенство, а дали нэп, где не только не исчезли

экономические противоречия, но в некоторой своей части продолжают даже расти. Приведенная цитата из Маркса яснее ясного свидетельствует о всем клеветническом характере ученых, буржуазных и меньшевистских сплетен о немедленном осуществлении равенства и коммунизма. Революционный марксизм-ленинизм слишком далеко видят, чтобы поддаваться мелко-буржуазным иллюзиям об осуществлении *немедленного* равенства.

Продолжая свой анализ, Маркс дальше в этой же брошюре говорит: «Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый есть только рабочий, как и все прочие; но оно молча признает неравную индивидуальную одаренность и работоспособность за естественные привилегии. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как и всякое право» («Критика Готской программы»).

Какой вывод отсюда делает Маркс? Он пишет, что для устранения этого зла, этой несправедливости, «право должно быть вместо равного неравным» («Критика Готской программы», стр. 13, изд. 1918 г., г. Иркутск). Но это возможно будет только в высшей фазе коммунизма, когда исчезнут противоречия между умственным и физическим трудом, а самый труд станет необходимой жизненной потребностью. Тогда, при могучем развитии производительных сил, человечество, которое тоже станет иным, напишет на своем знамени: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

Так смотрел Маркс на *эволюцию* социалистического общества.

Ни основоположник научного коммунизма Карл Маркс, ни мы, его последователи, революционно-марксистские ленинцы, не могли, значит, строить и не строили никаких утопических надежд на то, что на другой же день пролетарского переворота нам удастся установить абсолютное равенство. Полное равенство предполагает отмирание государства. Свободное коммунистическое общество «поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место—в музей древностей рядом с веретеном и бронзовым топором». В коммунистическом обществе господство над людьми исчезает, остается управление вещами—средствами и орудиями производства.

Элемент принудительности исчезает. Это предполагает и огромную степень развития производительных сил, полную планомерность в организации производства и высочайшую степень развития человеческого сознания и чувства коллективизма. Люди должны будут в процессе борьбы за коммунизм, в процессе социалистического строительства не только изменить окружающий мир, но и самих себя.

Мы находимся только в начале этой новой эпохи строительства коммунизма. Притом стройка совершается в стране экономически и культурно отсталой. Если Маркс говорит, что в первой стадии коммунизма общество будет покрыто во всех отношениях родимыми пятнами старого капиталистического общества, из лона которого оно выходит, то мы в Советском Союзе еще и в настоящее время имеем сколько угодно родимых пятен не только капиталистического общества, но и феодально-крепостнического. Для трубадуров международного социал-лакейства наша отста-

лость знаменует невозможность социалистического строительства. Для нас эта отсталость в связи со всем своеобразием экономического и политического развития России знаменует только то, что на плечи пролетариата и коммунистической партии Советского Союза история возложила неслыханно трудные задачи, с которыми мы обязаны справиться.

То, что писал Маркс в своей «Критике Готской программы», естественно, не могло ускользнуть от гениального взора Ленина. Он в своей книге «Государство и революция», писавшейся тогда, когда мы еще не осуществили Октябрьского переворота, освещая и развивая взгляды Маркса, в свою очередь подробно останавливается на вопросе о равенстве в первой и второй стадии коммунизма.

О первой фазе коммунизма (социализме) мы у него находим следующие строки: «Справедливости и равенства первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся — и различия несправедливые, но невозможна будет эксплоатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность. Разбивая мелко-буржуазно-неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» вообще, Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» («Государство и революция»).

В приведенной цитате прежде всего обращает внимание то, что Ленин фразу Лассаля о равенстве вообще называет мелкобуржуазной. Это лишний раз подчеркивает, что лозунг равенства вообще не может выдвигать сознательная выразительница классовой борьбы пролетариата—коммунистическая партия. Лозунг «равенства» слишком расплывчат, неопределенен по своему содержанию, истаскан, истрепан и изгажен буржуазией и мелкой буржуазией в их политической борьбе, чтобы партия его снова бросала, как свой лозунг, и писала на своем знамени.

Затем, из приведенной цитаты видно, что и Ленин точно так же целиком стоял на точке зрения Маркса и в вопросе о равенстве и справедливости в первой стадии коммунизма. Ленин отчетливо подчеркивает, что справедливости и равенства первая фаза коммунизма дать еще не может. Ленин в дальнейшем подчеркивает диалектическую мысль Маркса, что это неравенство предполагает и известное наличие буржуазного права в социалистическом обществе на его первом этапе. Мало того, Ленин, анализируя слова Маркса о буржуазном праве, вскрывает их внутренний смысл еще дальше и глубже:

«Буржуазное право,—пишет Ленин,—по отношению к распределению продуктов потребления предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство, ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права. Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство—без буржуазии» («Государство и революция»).

Такова диалектика исторического развития. С одной стороны, в социалистическом обществе (первая фаза) исчезает уже всякое классовое господство, классы уже отмирают, пролетариат, уничтожая свое классовое господство, тем самым кончает со всяким классовым господством. А, с другой стороны, в первой стадии коммунизма не только остается кусочек «буржуазного права», но и кусочек «буржуазного государства»! Ленин замечает, что это может показаться парадоксом, но на самом деле наличие старого в новом жизнь нам показывает на каждом шагу и в природе и в обществе.

IV.

Мы говорим, что даже в первой фазе коммунизма не будет еще полного равенства. И вместе с тем, мы уже в настоящее время в огромных размерах добиваемся осуществления равенства.

В капиталистических государствах на одном полюсе в руках ничтожной горстки магнатов капитала сосредоточены десятки миллиардов рублей богатства, на другом—море нищеты. Между этими двумя полюсами существует целая пропасть. У нас этого нет. В нашем транспорте, в государственной промышленности, в государственной торговле уже нет эксплоатации человека человеком. Разница в заработной плате измеряется самое большее тремя-четырьмя сотнями рублей. Частному накоплению у нас поставлены довольно узкие границы. В дальнейшем, мы уверены, что наша государственная социалистическая промышленность, государственная торговля и кооперация будут продолжать успешно вытеснять частный капитал, суживая сферу его роста и накопления.

Поэтому, кто утверждает, что и у нас в Советском Союзе имеется неравенство, и ни в какой мере не пытается это сопоставить с тем, что мы имеем в капиталистических государствах, кто кричит о неравенстве и не видит различных социально-экономических корней его у нас и в странах капиталистического господства, тот одно из двух: или чрезвычайно политически отсталый человек, или просто агент буржуазии. Ибо нельзя не видеть, что корни нашего неравенства лежат сейчас, главным образом, в нашей экономической и культурной отсталости, корни капиталистического неравенства лежат в капиталистической частной собственности на средства и орудия производства: на фабрики и заводы, транспорт, банки и землю.

Мы в основном уже подорвали основы роста капиталистического неравенства, установив пролетарскую диктатуру, национализировав фабрики, заводы, транспорт, землю и банки. Там основы этого неравенства остаются еще нетронутыми.

Наша задача заключается в том, чтобы не успокаиваться на достигнутом, а со всем пролетарским напряжением и энергией итти дальше по пути к коммунизму. В этом движении от нас требуется ленинское умение руководить массами. Им надо указывать ясный путь, надо давать верные лозунги. Лозунг равенства к числу верных отнесен быть не может. Если бы

даже он и не нес с собой, в виду его неясности, двойственности, отрицательных последствий, он и тогда по сравнению с лозунгом «борьба за коммунизм» представлял бы из себя старое заржавевшее оружие.

Нам же сейчас для агитации среди масс нужен не старый допотопный лук, а современная дальнобойная пушка. Нам нет надобности говорить плохими псевдонимами, когда у нас для названия наших конечных целей имеются настоящие хорошие имена.

Нам нельзя выбрасывать сейчас лозунг равенства, ибо он неизбежно был бы «водой на мельницу буржуазии».

П. Ионов.

О пролетарской культуре, напостовской путанице и панике перед „литкулом".

(*Окончание*).

III.

Проблема партийного руководства литературой—проблема огромной сложности и огромной трудности. Во всяком случае для каждого марксиста должно быть ясно одно—простое механическое перенесение на эту область обычных методов партийного руководства заранее обречено на полный крах. Этого, по-видимому, не дано понять напостовцам. Верные своему формально-логическому методу, они забывают о специфических особенностях художественного творчества и их понимание форм партийного руководства в литературе является редким образцом вульгаризации и упрощенства.

В самом деле, как представляется решение этого вопроса тов. Авербаху? Раскритиковав в пух и в прах досужего публициста из кадетского «Руля», утверждающего внепартийность и внеполитичность литературы, Авербах приходит к заключению, что «политика является первенствующей над искусством, в частности над литературой» (стр. 30). Отсюда для нашего автора с железной необходимостью следует, что при наличии партийной литературной политики мы создадим идеологически-четкую и выдержанную пролетарскую литературу.

Таким образом, вопрос у Авербаха ставится так, что как будто бы в обществе вообще ничего, кроме политики и литературы, не существует и что, во-вторых, связь между ними аналогична, к примеру, связи между творчеством канцелярии и приказной деятельностью величественного управделами пыльбухтреста. Само собой разумеется, если согласиться с обоими предпосылками Авербаха, то весь вопрос сведется к тому, что Политбюро будет давать поэтам соответствующие задания и поэты (политика определяет искусство!) послушно «нарезать эпоху на сердца», скрипя перьями и творя величественные «коммунэры». К несчастью для тов. Авербаха, вопрос обстоит чуть-чуть посложнее.

Вздор говорить о внеполитичности искусства. Искусство, как и всякая идеология, определяется в конечном счете экономикой. Но эта определяемость складывается в процессе сложной психической трансформации, причудливо преломляю-

щей социально-экономические и политические влияния в ряду влияний других сторон совокупной общественной жизни, в действующие отраженно, изнутри мотивы и побуждения.

Плеханов писал, что не только в области искусства, этой причудливейшей одежды, покрывающей костяк общественно-экономического тела, но и в вопросах, касающихся развития идеологии вообще «самые лучшие знатоки «струны» (экономической структуры. *П. И.*) окажутся подчас бессильными, если не будут обладать некоторым особым дарованием, именно—художественным чутьем. Психология приспособляется к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника... Будем надеяться, что со временем явится много таких художников, которые будут понимать, с одной стороны, «железные законы» движения «струны», а с другой—сумеют понять и показать, как на «струне», и именно благодаря ее движению, вырастает «живая одежда» идеологии». («К монистическому взгляду», т. VII, стр. 239).

Но если это верно, то с одним «приказом» в литературе ничего не поделаешь. Определенный социально-политический «приказ», прежде чем наложить свою печать на творчество художника должен быть психологически переплавлен действием сложных законов эмоциональной жизни. И только в этом контексте, действуя изнутри, он обнаруживает свою детерминирующую роль. «Свобода» художника заключается не в воображаемой свободе от социально-политических мотивов, а в переживании и выражении их, как своих собственных.

С этой точки зрения каждый художник будет художником лишь постольку, поскольку он творит суб'ективно, вполне «свободно», т.-е. независимо от всяких внешних его творчеству побуждений и соображений,—безразлично, навязываются ли они им самим, или же условиями внешней обстановки; другими словами, поскольку его свободная творческая деятельность является свободным и сознательным выражением социально-политической детерминации. В противном случае, получается тенденциозное произведение, в котором навязанная извне идея пожирает то, что делает искусство искусством—творческую форму.

Ведь не даром сплошь да рядом прекрасные, выдержанные коммунисты с большим дарованием дают либо бездарную коммунистическую декламацию, либо талантливое по форме, но довольно мутное и подозрительное по своей идеологии произведение. Что это значит? А это значит лишь то, что чрезвычайно медленно перестраивается эмоциональный мир человека, держа в своих цепких об'ятьях рвущуюся вперед мысль.

Вот почему, тем более к мелко-буржуазным «попутчикам» партия должна подойти не с приказом, а с отчетливо поставленной задачей перевоспитания и переработки их. Им, попутчикам, конечно, несравненно легче и проще писать о прошлом и настоящем, чем о будущем. Но партия должна помочь им понять, что «как бы честно и правдиво современное искусство ни изображало развалины, оно становится нечестным и неискренним, если не замечает той новой жизни, которая возникает на развалинах старой» (Франц Меринг, «Мировая литература и пролетариат», стр. 19). Всякий крупный художник нашей эпохи может быть только певцом великого строительства новой революционной России—иначе он будет нечестен, а потому художественно однобок и тенденциозен. Помочь понять это «попутчику», помочь ему пересесть в наш вагон, не чувствуя себя в нем временным гостем, справляющим «пир на празднике чужом»,—такова одна из наших основных задач.

Все это, конечно, азбука. Но что же делать, если эта азбука оказывается для иных «теоретиков» китайской грамотой?

Таким образом, руководить искусством не только можно, но и должно, но это руководство не может быть ни прямым, ни непосредственным. Партия сумеет лишь облегчить стихийный процесс рождения новой пролетарской литературы. Материальная и моральная помощь, с одной стороны, партийная художественная критика, умело и осторожно переводящая мелко-буржуазное творчество в общепролетарское русло, с другой,—вот главнейшие орудия партийного влияния и руководства в литературе.

В свое время некий Шулятиков прославился «суздальской» простотой своих попыток применить марксизм к социологическому исследованию; при чем Плеханов, посвятив Шулятикову несколько ядовитых страниц, перевел эпитет «суздальская» словами—«огромная умственная дубоватость». Напостовство есть не что иное, как та же шулятиковщина в вопросах искусства и литературы. Но напостовство во много раз вреднее и опаснее шулятиковщины. Шулятиков жил в такое время, когда он мог только «об'яснять» исторический процесс. Напостовцы же «об'ясняя» последний по-шулятиковски, претендуют на «руководство» «историческим процессом». Предоставление им этого руководства принесло бы величайший вред всей нашей литературе и в первую голову—нарождающейся пролетарской литературе.

IV.

«Реакционной утопией являются разговоры о том, будто в области литературы возможно мирное сотрудничество, мирное соревнование разных литературных идеологических направлений. Большевизм постоянно боролся против этой реакционной утопии. В области идеологии, в области литературы действуют законы классовой борьбы так же, как они действуют в других областях общественной жизни. Поэтому большевизм всегда стоял и стоит на точке зрения идеологической непримиримости, нетерпимости, на точке зрения безусловной четкости идеологических линий» (стр. 83). Эти грозные строки по адресу современной нашей литературы взяты из печально-знаменитых вардиновских тезисов. Воображая себя «твердокаменным» большевиком, Вардин крепко убежден в том, что «при современных условиях художественная литература является одной из последних арен, на которой происходит непримиримая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию над промежуточными элементами» (стр. 81).

Однако, если подобное вардиновское открытие что-либо и обнаруживает, то во всяком случае не «твердокаменность», а редкостную твердолобость уважаемых напостовцев.

Вардиновскую ошибку повторяет и Авербах, несмотря на то, что после вардиновских тезисов мы имели такое событие, как появление резолюции ЦК, и кроме того, ряд выступлений Н. И. Бухарина, неоднократно раз'яснявшего напостовцам ошибочность их позиции по этому вопросу. Обидевшись на эпитеты, которые прилагались неоднократно критиками к напостовским «теориям», Авербах возмущенно восклицает: разве можно говорить о наших формулах, как о формулах мертвых, нежизненных, когда «у нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии»! (стр. 12). Вот уж поистине—как любили говорить некоторые т.т. ленинградцы—мимо Сидора в стенку! Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах! Ведь вот именно за это-то требование «разжигать» классовую борьбу—ваши формулы и были ославлены, как мертвые абстракции!

Непримиримая классовая борьба—«это единственно, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией» (стр. 13),—пишет Авербах далее. И всего комичнее то, что за несколько строк перед этим он победоносно вопрошает одного из своих критиков—«можно ли ставить знак равенства между периодами по преимуществу ломки и преимущественно строительства?» (курсив автора). В аналогичных случаях в старых русских песнях пелось:

Вынул ножик он булатный
И зарезал сам себе.

На стр. 33, расхвалив В. И. Ленина за поставленную им задачу культурной революции, Авербах продолжает: «Но в процессе этой культурной революции мы упираемся в то, что культурная революция есть обострение классовой борьбы в области идеологии. Это не есть сотрудничество, содружество с другими идеологическими течениями по отношению к пролетариату, а это есть в первую голову классовая борьба». «Можно ли в таком случае говорить о внеклассовом (!?) сотрудничестве в области идеологии... и в каком смысле можно говорить? Если мы в области экономики сотрудничали и будем дальше сотрудничать с новой буржуазией (не только с буржуазией, тов. Авербах, но и, главным образом, с крестьянством!), то, во-первых, мы сохраняем за собой экономические высоты, а, во-вторых, мы держим в руках новую буржуазию, сами регулируем и направляем ее рост» (стр. 36).

Либо классовая борьба, либо внеклассовое сотрудничество,—рассуждает Авербах. Но так как в классовом обществе не может быть никакого внеклассового сотрудничества, то остается лишь классовая борьба.

Но ведь речь идет не о «внеклассовом» (?) сотрудничестве, а о классовом сотрудничестве, сотрудничестве классов, в первую очередь—пролетариата и крестьянства! При этом классовая борьба не исчезает—она ведется, но ведется на основе сотрудничества и в форме сотрудничества. Авербах и Вардин твердо заучили, что большевики до захвата власти всегда беспощадно боролись с каким бы то ни было подменом классовой борьбы филистерским соглашательством. Это верно. Большевики всегда беспощадно разоблачали и разоблачают меньшевистские попытки просунуть вместо революции идею мирного «вползания» в социалистический строй на основе «мирно-организаторского» сотрудничества с буржуазией в рамках капиталистического общества. Большевики всячески старались в эпоху до захвата власти разжечь классовые противоречия и, при наличии соответствующих условий, перевести классовую борьбу на рельсы гражданской войны. Все «мирные» и «немирные» методы и формы большевики, в противовес социал-демократическим крокодилам, подчиняли верховному закону революции. Выражаясь в терминах Гегелевой диалектики, в эпоху до захвата власти, единство мирных и насильственных методов классовой борьбы было «положено» в форме гражданской войны. Картина меняется коренным образом после захвата власти пролетариатом. В условиях своей диктатуры пролетариат не отказывается и не может отказаться от классовой борьбы. Он не отказывается и от насильственных методов. Он их применяет и будет применять. Больше того, в отдельные периоды при диктатуре пролетариата классовая борьба достигает наивысшего обострения. Но если взять всю переходную от капитализма к социализму эпоху в целом, то это есть эпоха отмирания классовых противоречий. Пролетариату, захватившему власть, уже не нужна новая революция, чтобы перейти к коммунизму: революционный переворот остался уже позади. Постольку для большевиков—марксистов, ленинцев, не метафизиков, а диалектиков,—единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано уже в форме мирных методов, в форме мирного руководства, мирной переделки попутчиков-крестьян, мирного соревнования и сотрудничества. Разумеется, с этой точки зрения нисколько не исключается возможность новых обострений классовой борьбы на целые периоды (внутри всей переходной эпохи). «Было бы совершенно неправильно,—читаем мы в резолюции ЦК,—упускать из виду основной факт нашей общественной жизни, а именно: факт завоевания власти рабочим классом, наличие пролетарской диктатуры в стране. Если до захвата власти пролетарская партия разжигала классовую борьбу и вела линию на взрыв всего общества, то в период пролетарской диктатуры перед партией пролетариата стоит вопрос о том, как ужиться с крестьянством и медленно переработать его, вопрос о том, как, допуская известное сотрудничество с буржуазией, медленно ее вытеснять, вопрос о том, как поставить на службу революции техническую и всякую иную интеллигенцию и в то же время идеологически отвоевать ее от буржуазии. Таким образом, классовая борьба, конечно, не прекращается, но она изменяет свою форму, ибо пролетариат до захвата власти стремится к разрушению данного общества, а в период своей диктатуры на первый план выдвигает «мирно-организаторскую работу».

Итак, в резолюции ЦК написано черным по белому, что хотя классовая борьба и не прекращается, однако, при наличии диктатуры пролетариата нелепо, чтобы рабочий класс стремился к обострению классовых противоречий.—Да здравствует разжигание классовой борьбы!—восклицают Вардины, Авербахи и Лелевичи. Резолюция ЦК утверждает, что рабочий класс после захвата власти выдвигает на первый план задачи «мирно-организа-

торской работы». А Вардины и Авербахи об'являют реакционной утопией даже разговоры о возможности мирного сотрудничества!

Все эти заявления, как видит читатель, в корне расходятся с генеральной линией партийной политики, и их последовательное проведение по существу означало бы отказ от нэпа и тем самым срыв смычки пролетариата с крестьянством. Вот куда завела напостовцев их любовь к афоризмам и прописям!

Вардиновская «левая» фраза на поверку оказалась столь же похожей на вардиновскую «действительность», как Павел Николаевич Милюков на пионерский барабан. Напостовцы, правда, быть может, закричат, что наши выводы произвольны, ибо они (напостовцы) не против сотрудничества вообще, не против сотрудничества в экономической области, а против сотрудничества в идеологии. Однако, вся нелепость подобного возражения ясна. Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство, и проч. безобидные штуки, но и политическую идеологию! Ведь каждый рабфаковец из учебника Бухарина знает, что социально-политическая надстройка включает в себя не только «вещи» и «людей», но и «идеи». Мы не сомневаемся в том, что напостовцы читали учебник Н. И. Бухарина. Но что же поделаешь, если при столкновении напостовских голов с книгой неизменно получается пустой звук! Ведь в этом далеко не всегда бывает виновата книга.

V.

Но если на литературном фронте дело обстоит так, что здесь еще неминуема *такая же* «революция», какая произошла в политике и экономике, то, само собой разумеется, с точки зрения Авербаха ни о каком действительном соревновании в области литературы говорить не приходится. Авербаху очень не нравится заявление тов. Бухарина о том, что «лучшим средством загубить пролетарскую литературу, сторонником которой я (Бухарин) являюсь, величайшим средством ее загубить является отказ от принципа свободной анархической конкуренции» [1]).

Авербах категорически возражает против подобных взглядов, при чем при случае не забывает показать кукиш в кармане, кивнув на Богданова и намекнув на «левый уклон».

Как известно, ЦК стал в этом вопросе в основном на точку зрения тов. Бухарина, заявив, что «партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области. Всякое иное решение вопроса было бы казенным, бюрократическим псевдо-решением. Точно так же недопустима декретом или партийным постановлением легализованная монополия на литературно-издательское дело какой-либо группы или литературной организации. Поддерживая материально и морально пролетарскую и крестьянскую литературу, помогая попутчикам и т. д., партия не может предоставить монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию: это значило бы загубить пролетарскую литературу прежде всего».

[1]) «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». Сборник, стр. 83.

Решения ЦК, как видит читатель, в данном пункте чрезвычайно четко и недвусмысленно заострены против напостовских поползновений на гегемонию и монополию. И сколько бы ни делали напостовцы больших глаз, утверждая, что это вовсе не по их адресу, шило все же упорно вылезает из напостовского мешка.

«Нужно различать,—пишет Авербах,—между творческим соревнованием и методами анархической конкуренции» (стр. 69). Само собой разумеется, разница между творческим соревнованием и анархической конкуренцией есть, поскольку последний термин делает ударение на *свободном* характере соревнования, не ограничивая число его участников. Термину же «творческое соревнование» нисколько не противоречило бы применение соревнования, например, только лишь на арене ВАПП'а, с исключением всяких «инородных» тел. Как мы уже заранее можем сказать, ВАПП'овские «критики» в иной постановке вопроса «творческого соревнования» и не приемлют. Но ведь ЦК в своей резолюции говорит о *свободном* соревновании, а не просто о творческом соревновании! Выкидывая маленькое словечко «свободное»,—Авербах получает самую широкую возможность интерпретации постановления ЦК в угодном ему смысле.

Что же касается анархической конкуренции и свободного соревнования, то разницы между ними по существу нет—резолюция ЦК заменяет лишь — и правильно заменяет — первый термин вторым, ибо термин «анархическая конкуренция» мог бы быть истолкован, как отказ от всякого руководства, что было бы неверно.

«Если буржуазия,—пишет Авербах,—осуществляет влияние на литературу теми же мерами, которыми она руководит хозяйством—в условиях анархической конкуренции, то мы не должны маскировать классового существа вопроса. Мы отчетливо ставим перед собой задачу партийного руководства в области литературы» (стр. 30). Слов нет, партия не может и не должна маскировать классового существа вопроса. Но Авербах—кажинный раз на эфтом самом месте!—никак не может понять, что речь идет не только об общественно-политической значимости творчества того или иного писателя—с точки зрения социологической оценки, партия, как это верно отмечает резолюция ЦК, обладает безошибочным критерием,—речь идет о *художественной значимости*, о художественной форме. Стихотворение, например, может заключать в себе самое раскоммунистическое содержание и рифмовать не «свободу» с «народом» (буржуазные категории!), а, положим—«пролетариат» с «богатым», но оно от этого еще не станет художественным произведением.

Мне зимою холодненько,
А весною мне тепленько,
А на стуже—
Мне не хуже.

Здесь, если вы и не найдете «идеологической выдержанности», то уж во всяком случае—лойяльность и бьющий через край оптимизм. Но, однако, вряд ли кто-нибудь согласится обменять сие произведение искусства, ну, хотя бы, на мелко-буржуазное стихотворение С. Есенина!

— Значит вы против партийного руководства?!—завопят напостовцы. Отнюдь нет. Но мы вовсе *не противопоставляем партийное руководство свободному соревнованию*, как это делает Авербах. Мы понимаем это руководство совсем иначе, чем уважаемые напостовцы, совершенно забывающие, что они имеют дело с художественной литературой, а не с теми путанными статьями, которые пишутся ими в порядке планового задания для своего журнала.

Но если необходимость классового сотрудничества Авербах с негодованием отвергает, а задачу свободной конкуренции суживает до творческого соревнования на арене ВАПП'а, то, естественно, в области литературной партийной политики ему остается лишь одно—проповедь немедленного захвата власти и образования литературного Совнаркома под председательством Вардина!

Особенно в этом отношении великолепны Вардиновские высказывания, автор которых, по меткому замечанию тов. Троцкого, до сих пор еще в чем родился, в том и ходит.

Возражая Троцкому и Воронскому, Вардин, в противовес им, выставляет положение, что литературный путь пролетариата есть, только лишь «путь гегемонии, *путь захвата власти пролетариатом в области искусства*» (тезис 7, стр. 86). «Не только в области политической и экономической, но в области культурной, рабочий класс должен вести за собой непролетарские слои. Но эту задачу он разрешит только в том случае, если он произведет *такую же* (?!) революцию в области культурной, какую произвел он в области экономической и политической» (тез. 8, стр. 87). Мы бы никогда не поверили, что могут найтись люди, способные подобным карикатурным образом истолковать Ильичевский лозунг культурной революции. Однако, факты—упрямая вещь...

Теперь несколько слов о попутчиках. Напостовцы, обычно, при одном упоминании слова «попутчик» принимают удивительно невинный вид.—Как! Чтобы мы требовали разгона попутчиков?! Да где же это слыхано?

«Крики о том, что напостовцы—заушатели,—с благородным негодованием восклицает Авербах,—что напостовцы хотели задавить всех попутчиков, что задачей напостовцев являлся захват всей печати, всех издательств,—все это было ходячим обвинением против напостовцев» (стр. 58).

Однако, ясно само собой, насколько эти «ходячие обвинения» неизбежно вытекают из разобранных выше теорий. Мы хотим лишь только привести один пример, характеризующий напостовские методы «руководства». На стр. 44 Авербах пишет: «Есть буржуазная реакционерка-писательница Мариетта Шагинян». А на следующей странице в сноске мы читаем: «За последнее время М. Шагинян соприкоснулась с нашей промышленностью, дала интересные заводские и фабричные очерки... В М. Шагинян начал происходить большой сдвиг в сторону понимания и восприятия нашей современности». Так что же из себя представляет М. Шагинян?—спрашивает огорошенный читатель. Реакционерка она или нет? Если была реакционеркой, то почему так неожиданно быстро наметился сдвиг? Если сдвиг наметился, то уж не потому ли, что напостовцы ругали ее реакционеркой и

грозили прихлопнуть заодно с другими реакционерами литературы?

Каннибальские инстинкты напостовцев с особенной яркостью выразил уже неоднократно нами цитированный тов. Вардин. «Мы вступили в такую полосу культурного развития,—пишет он,—*когда одного признания пролетарской литературы недостаточно, когда обязательно признание принципа гегемонии этой литературы, принципа упорной, систематической борьбы этой литературы за победу, за поглощение всех видов и оттенков буржуазной и мелко-буржуазной литературы*» (тез. 11, стр. 89. Курсив автора).

Ожесточенная классовая борьба с непролетарской литературой за «поглощение» всех видов и оттенков буржуазной и мелко-буржуазной, т.-е. крестьянской, литературы, под угрозой гибели диктатуры пролетариата — так ставит вопрос Вардин. Для того, чтобы наглядно представить себе всю нелепость и абсурдность вардиновских суждений, мы предлагаем читателю сравнить его тезис со следующим местом из резолюции ЦК. «*Борясь с формирующейся идеологией новой буржуазии среди части попутчиков сменовеховского толка, партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма*». «*Крестьянские писатели*,—читаем мы в той же резолюции за несколько строк перед этим,—*должны встречать дружественный прием и пользоваться безусловной поддержкой. Задача состоит в том, чтобы переводить их растущие кадры на рельсы пролетарской идеологии, отнюдь, однако, не вытравляя из их творчества крестьянских литературно-художественных образов, которые и являются необходимой предпосылкой для влияния на крестьянство*».

Сравните свирепое «поглощение» и напостовское бахвальство своей «непримиримостью» и «нетерпимостью» с требованием терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо изживая их в процессе товарищеского сотрудничества; сравните это—«отнюдь не вытравляя» с абсолютным непониманием задач партии по отношению к *крестьянскому писателю*,—сравните—и вы увидите, как мало напостовская линия совпадает с общепартийной линией и притом не только на фронте искусства.

Как же, однако, быть с попутчиками?—спросит читатель. *Нужно* ли добиваться их дифференциации? *Нужно* ли держать курс на гегемонию пролетарской литературы? На оба поставленные вопроса мы без малейшего колебания отвечаем—*да*! Но пути их решения мы видим и ищем совсем не там, где их ищут напостовцы.

Гегемонию пролетарских писателей нужно не требовать, не декларировать, а завоевывать, зарабатывать. Но заработать гегемонию можно, лишь конкурируя и сотрудничая с непролетарскими писателями, учась у них и вырастая. в этой борьбе. Не только их учить, но и учиться у

них. Заработать гегемонию—это значит завоевать головы и сердца читателей яркостью, силой и блеском своего творчества. Завоевать гегемонию — не насилием над попутчиками, а художественной интервенцией в широкие рабоче-крестьянские читательские массы. Реальный рост гегемонии пролетарской литературы при наличии моральной и материальной поддержки со стороны партии и рабочего класса, при наличии умной, принципиальной художественной критики,—все это вместе с тем неизбежно поведет за собой и рост дифференциации в рядах попутчиков.

Тогда, когда в недрах царской России стали происходить социальные сдвиги и на исторической арене появился разночинец—народническая литература (не пролетарская, мелко-буржуазная) добилась гегемонии без всякого бутафорского «захвата власти». Завоевала гегемонию не благодаря, а вопреки самодержавию, под зорким глазом и грозным окриком царского цензора. Так неужели же пролетариат в обстановке колоссальных путряных сдвигов в народном массиве современной России, при поддержке своей власти, при горячем сочувствии рабоче-крестьянских масс не сумеет заработать свое историческое право на гегемонию?

Мы не сомневаемся в том, что—да...

VI.

Мы далеко не исчерпали в своей и без того затянувшейся статье и половины безграничного богатства напостовской путаницы. Мы совершенно не касались ни организационных принципов напостовства, ни его теоретического родства с богдановщиной. Однако, несмотря на это, нам думается, читатель имеет все же достаточно материала для того, чтобы сделать заключительные выводы относительно общей характеристики напостовства.

Хотя, может быть, большинство т.т. напостовцев и не отдает себе в том отчета, но напостовство в главном об'ективно примыкает к той же сумме идей и порождено теми же настроениями, которые легли и в основу политической платформы сформировавшейся перед XIV парт'ездом новой оппозиции. Другими словами,—напостовство есть не что иное, как отражение методов новой оппозиции в условиях работы на фронте искусства. Правда, напостовство сложилось задолго до оформления обще-политической оппозиции—определенное течение, естественно, скорее всего и прежде всего проявляет себя в той обстановке, где раньше и ярче сказались порождающие его тенденции. В частности, новый «чумазый» нашел себе среди правой части попутчиков готовый рупор и готовое знамя, вынесенное привычными руками вперед, еще тогда, когда в экономике только едва намечались элементы по-революционного капитализма.

Три основных факта лежат, нам думается, в основе всех напостовских теорий.

Во-первых, неверие в творческие силы рабочего класса, в его способность переварить Пильняка и отразить кулацкие поползновения на захват пролетарских форпостов. Отсюда же и напостовские теории «критической переработки наследства», сводящиеся по существу к отстранению рабочего класса от сокровищ мирового искусства в чаянии грядущих пролетарских полотен.

Во-вторых, паника перед зазвучавшим в литературе сменовеховским рупором. Подобно тому, как новая оппозиция, растерявшись перед лицом новых опасностей, встающих в условиях лихорадочного хозяйственного роста, «перекулачила» и «перебеднячила» самого т. Ларина,—в глазах на смерть перепуганных вождей напостовства, Пильняки стали со сказочной быстротой перерастать в чудовищных пильнячищ. И не даром т. Авербах в качестве последнего и существеннейшего аргумента в пользу своих положений выставляет указание на растущую кулацкую силу и опасность перерождения. «Я считаю,—пишет курсивом Авербах, — что вопрос о перерождении есть основной политический фон, на котором наши споры должны находить верный критерий и правильное разрешение» (стр. 35). Ссылаясь на тов. Зиновьева, Авербах усердно делает выписки из небезызвестной Устряловской книги и, с каждой выпиской пугаясь все больше и больше, в конце концов в панике начинает колотить в «сигнализаторский» барабан, воображая себя по меньшей мере спасителем пролетарской литературы и советской власти от нашествия сменовеховских полчищ. Однако, барабанным шумом кулака не возьмешь. А вот середняк, нерушимость союза с которым является основной гарантией против кулацкой опасности, выпал из кругозора бедняцких Дон-Кихотов. «Жуткий» образ «литкула» загипнотизировал напостовцев и заставил их забыть о важнейшей задаче—задаче сотрудничества и переработки крестьянских писателей, первые отряды которых уже показались на литературном горизонте. Забвение задач партии по отношению к крестьянскому писателю—такова, нам думается, третья основная идея, легшая в основу напостовства. И подобно тому, как последовательное проведение политической программы новой оппозиции по существу означало бы крах смычки и подлинный разгул кулацкой стихии, так и последовательное проведение «прекрасных» напостовских планов на деле привело бы к разгрому всей советской литературы и в первую очередь—к гибели еще неокрепших ростков пролетарского искусства...

Борьба с литературным капитулянтством и ликвидаторством необходима. Ошибки тов. Воронского и других товарищей, перегибавших или перегибающих палку направо, нужно выправлять—в этом не может быть никакого сомнения. Но именно в целях успешного проведения кампании за пролетарскую литературу и против капитулянтских настроений необходимо в первую очередь ликвидировать литературную вардиновщину.

Сложна и лукава диалектика общественного развития. Не укладывается она в Прокрустово ложе заученных догм, неспособных схватить многоцветные ткани реальной, а не надуманной жизни.

Нужно выбросить догмы и овладеть методом живой диалектики Маркса и Ленина.

Вот над этим-то мы и советуем серьезно задуматься товарищам из журнала «На посту».

Уже после того, как были написаны эти строки, мы с удовлетворением узнали, что тов. Авербах отмежевался от вардиновщины в вопросах общепартийной политики. Шаг знаменательный, но еще недостаточный.

Мы надеемся, что тов. Авербах в своем отходе от политической вардиновщины окажется не один, а увлечет за собой все, что есть среди напостовства действительно дельного, талантливого и пролетарского.

Но мы ждем от тов. Авербаха и второго необходимого шага — отмежевания от литературной вардиновщины, ибо, как мы это пытались показать, последняя есть не что иное, как своеобразное отражение новооппозиционных настроений в условиях работы на литературном фронте.

Кроме того, нам кажется необходимым сделать следующее замечание. Было бы ошибкой ставить знак равенства между всей группой напостовцев и некоторыми неумеренными в своих выводах «оформителями» их идеологии (Вардин). Мы никогда не сомневались в том, что, кроме крикливых «литературных критиков» вардиновско-лелевичского пошиба, среди напостовцев имеются действительно талантливые товарищи, которые способны не только «провозглашать принцип пролетарской литературы», но и осуществлять его на деле, усердно работая над своими произведениями.

Эти товарищи представляют собою лучшую и ценнейшую, с точки зрения партии, часть группы напостовцев. Будем надеяться, что они полностью и целиком встанут на общепартийные позиции не только в области обще-политической, но и в области литературных взглядов.

Б. Семенов.

Китайские события на переломе.

I.

Когда мы в январе прошлого года оценивали на страницах «Большевика» сложившуюся в результате осенних событий 1924 года обстановку в Китае, то мы писали («Большевик», январь 1925 г.):

«...Все эти силы (местные китайские силы: пролетариат, крестьянство, национальная китайская буржуазия, ремесленники. *Б. С.*) направлены против иностранного империализма своим острием. В известных случаях эти силы, как направленные против одного общего врага, контактируют свою работу. Но эти же силы до тех пор, пока соответствующий иностранный капитал, или об'единенная группа капиталов работает безраздельно в соответствующей сфере влияния, придавлены, и доминирующим политическим влиянием в этой территории пользуется иностранный капитал. Очевидно, что в том случае, если бы это влияние иностранного капитала в силу каких-либо причин было аннулировано или ослаблено, немедленно же эти китайские силы начали бы действовать и оказывать свое влияние на складывающуюся политическую обстановку...»

И дальше, указывая на то обстоятельство, что правительство образовавшееся вскоре после переворота в Пекине осенью 1924 года, несмотря на свое неособенно большое сочувствие национально освободительному движению, все же было вынуждено требовать отмены неравноправных договоров и приглашать к сотрудничеству Сун-Ят-Сена, мы писали:

«Несомненно, что с поражением северной армии У-Пей-Фу политическое влияние англо-американского капитала в Северном Китае претерпело значительный урон, а с победой Чжан-Цзо-Лина политическое влияние Японии усилилось. Таким образом, оба эти влияния в известной степени уравновесились и, будучи направлены одно против другого, взаимно уничтожались... Но события развивались далее. По инерции японское политическое влияние продолжало усиливаться, в то время, как англо-американское восстанавливалось с меньшей скоростью... Равновесие нарушилось на короткий срок в сторону Японии. Раз опять по явилось доминирующее влияние одного иностранного империалиста, национально-освободительное движение в этом районе Китая должно было постепенно параллельно росту этого иностранного влияния замирать...

...Но сможет ли Япония надолго закрепить за собой завоеванные позиции? Мы смело можем утверждать, что такое усиление политического влияния Японии в северном Китае является только временным».

Япония не смогла закрепить за собой это полученное в результате побед Чжан-Цзо-Лина преимущественное политическое доминирование в северном Китае по двум обстоятельствам. Во-первых, экономика северного Китая была за все послевоенное время тесно связана с английским и американским капиталом, и, во-вторых, потому что в результате все развивающегося национально-освободительного движения, силы, которые толкали это движение, стали уже самостоятельными факторами, которые могли уже выступить на всекитайской арене, не только как результат того или иного ослабления иностранного влияния, а как самодовлеющие элементы, могущие уже себя противопоставить тому или иному иностранному влиянию, с большей или меньшей степенью вероятия победы. Этот постепенный рост национально-освободительного движения в Китае, получившего, в результате временной нейтрализации иностранных влияний в северном Китае, возможность свободного выхода на всекитайскую арену, и как результат этого роста постепенное его освобождение от положения того или иного иностранного влияния или от взаимоотношений этих влияний друг с другом, совершенно переродил самую внутреннюю структуру китайских событий. Если даже в начале событий, осенью 1924 года, происхождение их и самое направление можно было определять схематически только, как результат взаимодействия различных иностранных влияний в Китае, то уже с начала 1925 года, и в особенности с мая прошлого года, со времени знаменитых шанхайских событий, со времени побед Кантона, внутренние пружины, толкавшие в том или ином направлении события, коренным образом изменились. Если раньше от взаимоотношений между иностранными капиталами или группами капиталов зависел, в конце концов, весь ход событий, то теперь вопрос уже не в том, какое сопротивление встретит Япония при своем продвижении вглубь Китая со стороны Англии и Америки, и наоборот, вопрос главным образом заключается в том, какое реальное сопротивление этому движению может оказать национально-освободительное движение, имеющее на севере свои вооруженные силы главным образом в лице 1-й народной армии. Борьба стала гораздо упорнее, гораздо напряженнее и опаснее для империалистов. Произошла известная дифференциация сил: по одну сторону фронта стали все элементы, которые были связаны с иностранным влиянием, по другую—национально-освободительные силы и те элементы, которые к данному моменту не были настолько тесно связаны с империалистическим влиянием. Такое соотношение сил начало определять ход борьбы в течение последнего года.

II.

Шанхайские события прошлого года всколыхнули весь Китай и подняли национально-освободительное движение на небывалую до того времени высоту. Немедленно, вслед за расстрелами шанхайских пролетариев и студентов, по всему Китаю прокатилась колоссальная волна возмущения этими наглыми расстрелами, расстрелами, произведенными английской полицией. Началась всеобщая забастовка на большинстве иностранных фабрик и заводов, к забастовке присоединились даже шанхайские купцы, прекратив торговлю. Забастовали грузчики, матросы, коммунальные рабочие, домашняя прислуга, конторские служащие, печатники и др. Забастовка происходила даже при явном сочувствии китайской полиции. Грандиозные митинги рабочих и студентов по всей стране единогласно выносили резолюции протеста и требовали: 1) освобождения арестованных рабочих и студентов, 2) прекращения локаутов на японских фабриках, 3) полной свободы собраний, союзов, печати и права стачек, 4) отмены права экстерриториальности иностранцев, удаления из Шанхая иностранных войск и военных судов, упразднения консульских и смешанных судов, 5) упразднения иностранного городского самоуправления в Шанхае, передачи городских дел в руки избранного китайского самоуправления и роспуска иностранной полиции, 6) наказания убийц рабочих японских фабрик и полицейских виновных в расстреле рабочих 30 мая, выплаты пенсий семьям пострадавших и формального извинения иностранного муниципалитета, 7) запрещение телесного наказания на фабриках, 8) улучшения гигиенических условий и защиты женского и детского труда на фабриках.

Если рассмотреть эти требования, то мы увидим, насколько далеки они от тех чисто экономических требований, которые выставлялись рабочими в начале забастовок. Попытки империалистов задавить это растущее национально освободительное движение собственной вооруженной силой приводили только к тому, что движение вспыхивало с новой силой и в тех районах, которые прежде казались сравнительно благополучными. Нужно было менять позиции, нужно было искать новых методов «работы», которые бы давали более или менее хорошие результаты и вместе с тем не обостряли так положения. К этому толкало и еще одно обстоятельство. Первые попытки пойти по испытанному пути для об'яснения и некоторого оправдания расстрелов не дали результатов. Попытки свалить всю вину на «красных эмиссаров», на «советские деньги» сразу же провалились, ибо даже для китайских младенцев было ясно, что вина здесь во всяком случае не в «большевистских агитаторах». Центр всей ненависти Китая концентрировался на зачинщиках этого выступления, в данном случае на Англии в первую очередь и затем на Японии. Стало очевидно, что в этом периоде развития событий гораздо целесообразнее для других империалистов, прямо не замешанных в этих расстрелах, отмежеваться от физической виновницы расстрелов—от Англии. Американские газеты, а за ними и японские начали говорить, что дело здесь, собственно, не столько в большевиках, сколько в «методах» и в экономике. Только английская пресса в Шанхае, продолжала упорно держаться версии о «темных большевистских кознях», хотя тон ее становился все менее уверенным.

«Таймс» попытался было проявить столь свойственную ему твердость и строгость приемов и, укоряя заинтересованные стороны в пагубном разнобое, заявил, что «время и опыт убедительно доказали, что китайцы везде и во всем всегда считались с требованием держав, коль скоро они представлялись солидарно и достаточно твердо. Непростительной ошибкой явилось отсутствие солидарности в данном случае. Слишком часто общие интересы держав подчиняются их действительным или мнимым интересам, имеющим, разумеется, второстепенное значение».

«Таймс» не напрасно взывал к международной солидарности. Англия в результате этих событий совершенно неожиданно для себя вылезла единолично на открытую сцену. И понятно, что она не прочь была при помощи единого фронта всех держав-угнетателей, рассосать между своими друзьями эту концентрированную ненависть китайцев. Но «друзья» отнюдь не были склонны выручать Англию. «Осаки-Майничи» (японская газета) анализируя позицию Англии, высказывающейся за политику репрессий по отношению к Китаю, говорит, что «в этом пункте Япония безусловно должна разойтись с Англией. Среди требований забастовщиков есть много таких, которые не являются плодом агитации и которые побуждают рассмотреть вопрос о деятельности в Китае».

С своей стороны Англия не остается в долгу перед Японией, в знак дружбы с которой английская полиция в Шанхае расстреливала рабочих и студентов. Английская пресса в Китае начинает доказывать, что в Шанхае была сделана ошибка тем, что защищались японские интересы и что полиция считала выступление против японцев выступлением против дружественной державы. Англия в данном случае не прочь была прибегнуть к способу православных попов, который в случае, если им не платили за свадьбу, попросту развенчивали, путем повторения требы с конца. Но шанхайские события не поддавались столь упрощенному способу ликвидации: мертвых воскресить было нельзя.

Таким образом, образовалась трещина между империалистами по вопросу о Шанхайских событиях и способах их ликвидации. Эта трещина могла расширяться только до известных пределов, до того момента, пока растущее национально-освободительное движение не стало грозить смести все достижения империалистов в Китае. С этого момента должна была начаться более или менее контактированная работа империалистов в Китае.

И т. к. выступление собственными вооруженными силами давало только отрицательные результаты и никакому самому отпетому империалисту, исходя просто из практической необходимости, нельзя было уже пускать в ход свои войска, то естественно должна была возникнуть мысль использовать для этой цели такие национальные китайские силы, которые, будучи пущены в действие, с одной стороны, не были бы столь одиозны, как иностранные интервенционистские войска, а с другой — были бы достаточно сильны, чтобы подавить национально-освободительное движение и ликвидировать последствия шанхайской забастовки. Несмотря на попытки взвалить всю вину на Англию империалисты, в том числе и Япония, терпели громадные убытки от продолжения шанхайского конфликта. Одна только Япония на торговле теряла ежедневно больше двух миллионов иен, а Англия и того больше, не считая потерь промышленности, которая несла еще больший ущерб.

В силу того обстоятельства, что в результате роста национально-освободительного движения происходила естественная дифференциация сил в Китае, Чжан-Цзо-Лин, с его чрезвычайно большой связанностью с японским капиталом и японской империалистической политикой, держащийся, главным образом, только в результате этой связи (а последние события при восстании Го-Сун-Лина с еще большей наглядностью показали это),

неминуемо оказался в одних рядах с империалистами против национально-освободительного движения. И так как он казался достаточно сильным для того, чтобы выполнить сокровенные мечты империалистов, то ясно, что на него пал «жребий» стать очередным «спасителем» Китая от растущей «большевистской опасности». Началось быстрое продвижение войск Чжан-Цзо-Лина к Шанхаю и вскоре Шанхай был занят отборными войсками под командованием сына Чжан-Цзо-Лина. Путем репрессий и постоянного вооруженного давления Чжан-Цзо-Лину удалось загнать революционное движение в Шанхае вглубь и создать видимость успокоения. «Мавр сделал свое дело и мавр может уйти»: Англия, которая перед лицом смертельной опасности своим интересам в Китае, особенно в Шанхае, являющемся центром торговой и промышленной деятельности Англии в центральном Китае, могла и должна была поддерживать Чжан-Цзо-Лина — должна была одновременно считаться и с тем обстоятельством, что с приходом Чжан-Цзо-Лина в Шанхай пришла одновременно и Япония, а следовательно, интересам Англии попрежнему начала угрожать большая опасность уже со стороны Японии. Выбирая перед лицом двух опасностей — национально-освободительное движение или усиление Японии, Англия решила, что оба хуже и начала принимать шаги к устранению столь ненормального положения, тем более, что Чжан-Цзо-Лин уже выполнил ту обязанность, которую на него возлагалась Англией: революционное движение было загнано вглубь, непосредственная опасность со стороны китайской революции была отодвинута. Были вызваны к жизни новые силы, остатки чжилийской группировки, которые до своего поражения об'ективно проводили английское и американское влияние. Генерал Сун-Чуан-Фан со своими войсками выступил против Чжан-Цзо-Лина в Шанхае, вытеснил его оттуда и быстро занял провинции Цзян-Су и Ань-Хуй. Быстрому поражению Чжан-Цзо-Лина под Шанхаем способствовало как то, что он не успел еще в военном и политическом отношении внедриться в Шанхае, так и то, что Англия доминирует в Шанхае экономически. Но как и везде, Англия вынуждена была барахтаться в тисках своей собственной двойственной политики. Если, с одной стороны, оттеснение Чжан-Цзо-Лина от Шанхая необходимо для противодействия стремлению Японии проникнуть в этот центральный район, то, с другой стороны, окончательное уничтожение его совершенно не в интересах Англии, которая в этом случае видит неминуемый рост национального освободительного движения. Кроме того, и в противовес собственной чжилийской группировке Англия должна держать какую-то силу, которая бы по своему существу не была бы совершенно противоположна империалистической политике Англии в Китае, и при помощи которой можно было бы в известных случаях маневрировать. Такое положение неминуемо приводило к двойственной политике, по отношению к Чжан-Цзо-Лину: не давая ему расширяться дальше известных рамок, вместе с тем, стараться спасти его от окончательной гибели. И действительно мы видим, что еще до вступления в борьбу народных армий, Чжан-Цзо-Лин ведет переговоры с Англией о займе и Англия благосклонно выслушивает его просьбы. И только слишком быстрый темп событий не дал возвозможности завершить все это дело в желательном для Чжан-Цзо-Лина духе. А во время последних событий, когда участь

Чжан-Цзо-Лина в результате выступления Го-Сун-Лина висела на волоске, английская пресса во главе все с тем же почтенным «Таймс» вела бешеную кампанию за Чжан-Цзо-Лина, выставляя его, как наиболее последовательного «демократа», единственного лица, могущего «спасти Китай от разрухи и большевизма». И чем в большей опасности находился Чжан-Цзо-Лин, тем сильнее раздавались голоса в Англии, требовавшие помощи Чжан-Цзо-Лину, и если гибель Го-Сун-Лина физически лежит целиком на совести милитаристической Японии, то и Англия, конечно, вложила свою лепту в это дело, правда, не физическими способами, а более продуманной дипломатической игрой, путем втравливания во все это дело Японии, путем целого ряда провокаций, имевших своей целью спасти Чжан-Цзо-Лина и поссорить наш Союз с Японией.

III.

Как мы уже сказали выше, в результате роста национально-освободительного движения произошла дифференциация сил в Китае, и если Чжан-Цзо-Лин оказался по одну сторону фронта с империалистами против революционного движения в Китае, то те военные группировки, которые не были так тесно связаны с империалистами, которые не строили своего существования на содружестве с империалистическими странами, оказались по другую сторону фронта вместе с национально-освободительным движением, вместе с лучшей частью китайского народа. К таким военным группировкам, с неясно до того времени выраженной ориентировкой, принадлежал целый ряд армий, получивших название народных. Благодаря размаху и глубине национально-освободительного движения эти военные группировки, перерабатываясь и оформляясь, все больше примыкали к этому движению, и в результате последних столкновений с Чжан-Цзо-Лином этот процесс еще более углубился, т. к. сочувствие, которым было встречено выступление народных армий на стороне освободительного движения против всекитайской реакции в лице Чжан-Цзо-Лина, наглядно показало колеблющимся еще элементам в среде народных армий, какова должна быть их правильная политика. Но и здесь нужно сделать оговорку. Когда мы говорим о народных армиях, то формально мы берем все три народные армии. Между тем нужно постоянно иметь в виду, что по существу народные армии, не являются какой-то единой организацией. Если все, что сказано выше, приложимо в полной мере к первой народной армии во главе с Фын-Юй-Сяном, то это же можно сказать относительно второй и третьей народных армий только весьма условно. Некоторые части этих армий и сейчас полностью стоят на платформе поддержки национально-освободительного движения, другие же до сих пор не потеряли органической связи с чжилийской группировкой, из недр которой они вышли, третьи, наконец, до сих пор политически еще не оформились и поддерживают освободительное движение исключительно в силу персональных связей. Эта до сих пор еще существующая политическая неоформленность и налагает на действия народных армий в целом некоторую неуверенность и неясность, которая всегда при вооруженных столкновениях крайне опасна и может привести к совершенно неожиданным осложнениям.

Самый ход последних событий развивался следующим образом. После выступления Сун-Чуан-Фана, который между прочим при самом начале военных действий декларировал ряд национально-освободительных лозунгов (что лишний раз доказывает силу освободительного движения в Китае), Чжан-Цзо-Лин быстро покатился к северу. Сун-Чуан-Фан смог легко занять две провинции и самый Шанхай и на этом приостановил свое движение. Такая легкость победы была обусловлена тем, что в рядах армии Чжан-Цзо-Лина, продвинувшейся на юг, уже к моменту выступления Сун-Чуан-Фана было большое разложение. Часть чжан-цзо-линовских генералов, отправившись в эту южную экспедицию, быстро эмансипировалась от Чжан-Цзо-Лина, и потеряв связь с центром в Мукдене, перешла на сторону Сун-Чуан-Фана. О солдатах местных войск, которые были набраны Чжан-Цзо-Лином, говорить не приходится. Они вовсе не собирались оставлять родные провинции и следовать вместе с мукденскими войсками, а предпочли сразу же перейти на сторону противников Чжан-Цзо-Лина и остаться у себя дома. Пройдя до границы Шаньдуня, Сун-Чуан-Фан дальше не смог продвинуться. Возможно, что в расчеты Англии не входило так далеко отгонять Чжан-Цзо-Лина, так как всем без сомнения было ясно, что, прогнав чжан-цзо-линовские войска в Маньчжурию, Сун-Чуан-Фан вовсе не был гарантирован, что занятые им провинции достанутся ему. Наоборот, была уверенность в том, что разгром Чжан-Цзо-Лина был бы в то же время и усилением народных армий, которые, находясь в невыгодном стратегическом положении не преминули бы сами занять и Шаньдунь и Чжили. Кроме того, на границе Шаньдуня Сун-Чуан-Фан встретил настоящее сопротивление выдержанных чжан-цзо-линовских войск под командой назначенного Чжан-Цзо-Лином военного губернатора провинции Шаньдунь, генерала Чжан-Цзу-Чана. Произошла задержка наступления Сун-Чуан-Фана и некоторая стабилизация положения. Но имея у себя на фланге народные армии, особенно после того, как вторая народная армия под командой Ио-Вей-Цзуня придвинулась к границам Чжили и Шаньдуня, Чжан-Цзо-Лин, естественно, должен был опасаться за судьбу тех своих частей, которые находились в этих провинциях. И т. к. народные армии, постепенно оформляя свое политическое кредо, становились наиболее важными противниками Чжан-Цзо-Лина, как основного представителя всекитайской реакции, то Чжан-Цзо-Лин начал готовиться к столкновению с народными армиями, в первую очередь с Фын-Юй-Сяном. Помимо тех войск, которые были в его распоряжении около Тяньцзина, он стянул сильный кулак в окрестностях Шанхай-Гуаня (на границе с Маньчжурией) и навис постоянной угрозой над 1-й народной армией. Столкновение было неминуемо. В этой борьбе шансы на победу были неясны, т. к. если у Чжан-Цзо-Лина было великолепное вооружение и снаряжение, своевременно доставленное ему империалистическими друзьями, то на стороне народных армий было сочувствие и активная поддержка всех сил национально-освободительного движения. А это много значило, если вспомнить хотя бы шанхайские события и их воздействие на всю страну и на империалистов. И если в армию Фын-Юй-Сяна начали массами вливаться студенты и рабочие для поддержки и для политической работы, то в армии Чжан-Цзо-Лина происходил совершенно обрат-

ный процесс. Разложение, которое началось еще под Шанхаем, шло быстрым темпом и на севере. Отдельные части и их командиры переходили на сторону народных армий или в лучшем случае об'являли себя нейтральными. И, наконец, произошло событие, которое в корне изменило обстановку на данный момент. Один из лучших генералов Чжан Цзо-Лина, стоявший во главе собранных им в Шанхай-Гуане войск—генерал Го-Сун-Лин восстал против Чжан-Цзо-Лина и двинулся против Мукдена. Положение Чжан-Цзо-Лина сразу стало критическим. Лучшая и большая часть его войск восстала против него, оставшиеся же войска были в лучшем случае небоеспособны, в худшем же—кандидатами на восстание. Были некоторые войска в тылу Маньчжурии, которые и в мирное время вызывали большие сомнения в своей преданности своему хозяину, а теперь после ряда восстаний и поражений Чжан-Цзо-Лина только и ждали, чтобы перейти на сторону противников Чжан-Цзо-Лина. Го-Сун-Лин начал быстро продвигаться к Мукдену, почти не встречая сопротивления и не ожидая его, т. к. состояние армии Чжан-Цзо-Лина он знал, пожалуй, даже лучше самого Чжан-Цзо-Лина. Казалось, песня маршала спета, и котайские газеты, говоря об этом периоде событий, в один голос повторяли: «Слышится похоронный звон над Чжан-Цзо-Лином». Экстренные меры, которые предпринимались Чжан-Цзо-Лином к своему спасению, не давали результатов, или же давали совсем не то, на что рассчитывал Чжан-Цзо-Лин: артиллерия переходила к Го-Сун-Лину, аэропланы перелетали туда же, солдаты толпами уходили к счастливому сопернику маршала. Гибель Чжан-Цзо-Лина была неизбежна, если к нему на помощь не пришли бы посторонние силы. «Ищите и обрящете, толцыте и отверзется». Как раз в это время английская пресса с благословения властей начала экстренную кампанию в пользу Чжан-Цзо-Лина, подготовляя на всякий случай «общественное мнение» страны к возможным решениям английского кабинета, очевидно, в это же время были предприняты соответствующие шаги и перед единственной силой, которая физически могла помочь Чжан-Цзо-Лину—Японией. Впрочем Японию, особенно японскую военную партию в этом отношении, подбадривать не приходилось. Достаточно вспомнить, что Япония в Маньчжурию вложила 5 миллиардов иен, в Маньчжурии проходит громадная японская железнодорожная артерия, непосредственно связывающая Маньчжурию с сетью корейских железных дорог—Южно-Маньчжурская железная дорога. Япония слишком экономически заинтересована в южной Маньчжурии, чтобы так легко с ней расстаться. Потеря Маньчжурии для Японии равносильна колоссальной катастрофе, по своим результатам превышающей знаменитое сентябрьское землетрясение 1923 г. И так как наступление народных армий (а Го-Сун-Лин об'явил о своем присоединении к народным армиям и даже назвал свои войска «северо-восточными народными армиями») означало не только изгнание Чжан-Цзо-Лина, который при некоторой только неуступчивости по мелким вопросам все же выполнял в основном пожелания Японии, но и аннулирование неравноправных договоров, на основе которых Япония строила всю экономику южной Маньчжурии,—то немудренно, что Япония начала предпринимать ряд экстренных мер, чтобы чисто военной помощью помочь Чжан-Цзо-Лину спасти положение. Были переброшены новые значительные японские военные силы в Маньчжурию, был издан ряд правил, которыми фактически запрещалось Го-Сун-Лину наступать на Чжан-Цзо-Лина (напр., запрещение военных действий в районе Ю.-М. ж. д.) и пр. Был также широко использован ряд провокаций—и в результате Го-Сун-Лин был под самыми стенами Мукдена разбит, взят в плен со своей женой и казнен. После этого японские войска были выведены из Маньчжурии, остались только стоявшие и раньше охранные войска, английская пресса, успокоившись за судьбу Чжан-Цзо-Лина, несколько сбавила свой тон, а Чжан-Цзо-Лин приступил к своему закреплению в Маньчжурии, в частности начав наступление на К.-В. ж. д., о чем ниже.

IV.

Если на севере национально-освободительное движение по внешности переживало ряд волн, по временам уходя вглубь и тем создавая представление о спаде, то на юге, в Кантоне эта характерная восходящая революционного движения даже и по внешности не претерпевала изменений. За все время последнего периода национально-освободительного движения оно в Кантоне победоносно развивалось на всей территории Гуандунской провинции. Кантон—это пока единственная база революционного движения в Китае, которая имеет, помимо прочих предпосылок, еще и целый ряд материальных факторов. Правительственная власть находится в руках Гоминдана, боеспособность армии с каждым днем с каждой новой победой все повышается финансы постепенно упорядочиваются, налоговая система реформирована, профессиональное движение встречает не только признание, но и особенную поддержку правительства. Приступлено к организации крестьянских союзов, которые ставят целью не только улучшение материального положения крестьянства, но и вовлечение его в русло нового строительства. Все это придает особенную силу южному Гоминдановскому правительству. И эта сила, питаемая все растущим освободительным движением во всем Китае (со своей стороны встречающего отклик и поддержку Кантона), успешно справляется до сих пор со всеми затруднениями, вытекающими как из особенного положения южного правительства как провозвестника нового Китая, так и из особого положения самого Кантона, который должен бороться за господство над южным Китаем с Гонконгом—английской колонией находящейся возле Кантона. И борьба Кантона с Гонконгом, означая, с одной стороны, борьбу нового Китая с английским империализмом вообще (последняя забастовка в Кантоне, которая сводит почти на-нет Гонконг и тем наносит смертельный удар по английскому господству вообще в Китае, возникла как результат последних шанхайских событий, следовательно имеет непосредственную связь с общим национально-освободительным движением)—с другой стороны, тесно переплетается с чисто местными интересами самого Кантона. Если первое обстоятельство притягивает к Кантону симпатии и поддержку всего революционного Китая, то последнее ставит в ряды его союзников или по крайней мере в ряды лояльно настроенных элементов даже кантонскую китайскую буржуазию, которая видит в революционном Кантоне надежного союзника в борьбе с английским капиталом, и ввиду

этого мирится с теми неизбежными жертвами, которые она должна нести на поддержку кантонского правительства. Те настроения, которые были год тому назад у кантонской буржуазии, настроения в значительной степени подогретые Гонконгом и выливавшиеся в восстания «бумажных тигров», уже теперь пережиты и отошли далеко назад. Нельзя быть, конечно, совершенно уверенным, что у кантонской буржуазии, при каких-либо военных потрясениях, не появится вновь таких же тенденций. Во всяком случае Кантон, революционная база Китая, никогда еще не был так силен и крепок, как в настоящее время, в результате развития национально-освободительного движения. Но под влиянием тех же обстоятельств, которыми обусловливалось недостаточно полное единство в рядах народных армий—известная связанность отдельных групп китайской буржуазии и интеллигенции с иностранным влиянием и капиталом, и в рядах партии Гоминдан, главным образом на севере, имеет место некоторое расхождение во взглядах как в тактических, так и в программных вопросах. Правда, количество сторонников половинчатой, соглашательской позиции в рядах партии Гоминдан крайне незначительно, и их удельный вес незначителен, но факт остается фактом, такие настроения имеются и время от времени, в период наибольшего обострения национально-освободительной борьбы, они проявляются и вносят некоторую дезорганизацию в единый фронт борьбы. Под влиянием таких настроений, небольшая часть Гоминдана на севере открыла свой конгресс, который об'явила единственным полномочным органом партии. Это мероприятие встретило единодушный отпор как со стороны Гоминдана, так и всего национально-освободительного движения в целом. Наиболее право настроеннные группы гоминдановцев ставили вопрос о расколе в Гоминдане, о невозможности примирения отдельных точек зрения как раз тогда, когда требовались стройные ряды, когда обстановка налагала определенные обязательства на руководящую партию освободительного движения. Таким образом, становилась явной затаенная мысль правых элементов партии—внести дезорганизацию в ряды партии. В партийных кругах понимали, что соглашения с наиболее правой группой Гоминдана достичь трудно, но т. к. эта группа была крайне малочисленна и не имела за собой никакой массы, то вопрос ставился не в плоскость раскола Гоминдана, а фактического откола небольшой группы, отсечения нездоровой маленькой части партии. С этой точки зрения к раскольническим мероприятиям и настроениям и подошел с'езд Гоминдана в Кантоне, открывшийся 1 января 1926 г. С'езд открылся речью Ван-Чин-Вея, в которой последний, упомянув о смерти Сун-Ят-Сена, заявил: «Наша партия уверена в победе национальной революции, и с этой уверенностью мы смело идем вперед по пути, предуказанному нам Сун-Ят-Сеном». На втором заседании конгресса была принята декларация о сотрудничестве со всеми угнетенными народами, а также вынесен решительный протест против японской интервенции в Маньчжурии. Принята резолюция, одобряющая действия народных армий, и содержащая благодарность СССР. В телеграмме, отправленной конгрессом правительству СССР выражается уверенность в том, что обе страны установят искреннее сотрудничество с целью свержения империализма. «Советская Россия,—указывается в телеграмме,—является авангардом и защитником угнетенных народов. С'езд обещает завершить до конца национальную революцию и ускорить освобождение угнетенных народов».

Политический отчет ЦК Гоминдана отметил рост организованности как в рядах Гоминдана, так и укрепление положения кантонского правительства. Доклад ЦК по вопросу о работе среди крестьянства отметил рост организованности и среди крестьянского населения провинции Гуандунь и то содействие, которое крестьянство оказывает правительству в его стремлении построить новую жизнь. Число членов крестьянских союзов удвоилось. В каждом округе Гуандунской провинциии теперь существуют крестьянские организации. Свой доклад представитель ЦК Чжан-Гу-Бо закончил указанием, что без активной поддержки крестьянства революция невозможна. По вопросу о росте рабочего движения конгресс отметил значительное расширение организованного рабочего движения как во всем Китае, так и в Кантоне. Количество организованных рабочих в Китае со времени начала шанхайских событий почти удвоилось, достигая 1.000.000 членов профсоюзов против 600.000 летом прошлого года. «События последнего времени в особенности поражение «тигров» и продолжающиеся забастовки протеста против империалистов показали мощь рабочего класса». Но рост Гоминдана отмечен не только в пределах Китая. Заграничные отделения Гоминдана, которые в настоящее время имеются не только в Европе и Америке, но главным образом в Индо-Китае и южных островах, чрезвычайно расширили свою работу, не ограничиваясь только работой среди своих членов. Конгресс постановил подчеркнуть необходимость раз'яснять чуждую империализму тактику Гоминдана, об'явить свою солидарность со всеми колониальными народами и усилить политпросвещение среди членов партии, находящихся за границей. С'езд постановил отправить циркулярную телеграмму всем китайским и заграничным секциям Гоминдана с призывом ко всем членам партии решительно поддерживать партию в целях осуществления национальной революции.

Рассмотрев вопрос о поведении отдельных членов партии, стремящихся вызвать раскол в Гоминдане, конгресс выявил чисто раскольнические и дезорганизаторские стремления этих членов партии и постановил навсегда исключить из партии наиболее ярких выразителей этих тенденций—Чжоу-Лу и Шие-И-Чи. Менее зараженные этими тенденциями Чу-Чен и Ши-Чи-Ян исключены на год, остальным сделаны предупреждения. Таким образом попытка разложившихся членов Гоминдана внести дезорганизацию в единые ряды партии не удалась и фактически свелась не к расколу, как этого им хотелось, а к отколу маленькой группы.

Таким образом, если на севере после бурного натиска на позиции империализма в Китае со стороны национально-освободительного движения наступило как бы некоторое внешнее «успокоение», то на юге национально-освободительное движение, свободно развиваясь, достигло таких результатов, что ставит под угрозу уже основные «завоевания» империалистов, в первую очередь Англии. И не даром так пессимистически настроена английская пресса. «Морнинг Пост» печатает письмо видного гонконгского коммерсанта-англичанина, в котором он между прочим пишет: «Здесь все более усиливается опасение, что Гонконг, как

колония и крупнейший торговый центр, будет фактически потерян для англичан. Минувший год нанес большой удар английскому престижу в Китае».

В интервью председателя «Китайской ассоциации» Лифа, последний заявил следующее: «Гонконгская торговля в полном застое. Переговоры не привели ни к каким результатам. Английские коммерсанты требуют вмешательства английского министерства иностранных дел». Единодушное мнение английских кругов, заинтересованных в китайской торговле, что английское правительство должно вмешаться в вопрос о бойкоте Гонконга Кантоном, т. к. в противном случае Гонконгу грозит разорение.

Такое положение, когда на севере, с воскресением Чжан-Цзо-Лина, положение непосредственной опасности для империалистов от растущего национально-освободительного движения, несколько смягчилось, по всей вероятности, заставит Англию пересмотреть свое отношение к Кантону еще раз и направить главные свои усилия против базы национально-освободительного движения. Если раньше, на севере, когда Чжан-Цзо-Лин стоял на краю гибели, сила народных армий, как представителей национально-освободительного движения угрожала уже непосредственно основным интересам империалистов, то теперь обстановка на севере опять сделалась неясной, т. к. Чжан-Цзо-Лин существует в центре имеются военные группировки, весьма симпатично относящиеся к Англии, следовательно, империалистами получена какая-то отсрочка, передышка, возможно даже продолжительная. Но на юге положение совершенно безнадежное. Усиление Кантона одновременно означает и крайнее усиление национально-освободительного движения и непосредственную угрозу прямым интересам Англии на юге. Поэтому естественно, что огонь английской прессы и «общественного» мнения переносится на Кантон. «С Кантоном нужно расправиться,—вот затаенный пока лозунг английских империалистов. Использовать прежние средства, вроде наступления Чен-Цзю-Мина против Кантона, очевидно, уже не удастся, т. к. военные силы Кантона теперь настолько велики и обучены, что мелкими бандитскими налетами коренным образом обстановку не исправишь. Использовать свои собственные вооруженные силы также не удастся, т. к. опыт Шанхая ясно показывает, к чему приводится такая тактика. Нужно, очевидно, использовать старый способ, когда для подавления Шанхая был использован Чжан-Цзо-Лин, с той только разницей, что в этой операции будет использован уже не Чжан-Цзо-Лин, а возможно чжилийская группировка, не только потому, что движение Чжан-Цзо-Лина на юг физически крайне затруднено, но главным образом потому, что пустить Чжан-Цзо-Лина, а за ним и Японию в свою цитадель—юг Китая, Англия никогда не согласится. Потому и сейчас уже по китайской прессе прошли первые глухие сообщения о готовящемся походе на юг, при чем, руководителем весьма недвусмысленно называют У-Пей-Фу.

V.

Параллельно с этими мероприятиями фундаментального свойства, имеющими своей целью загнать национально-освободительное движение вглубь, отдалить момент решительного столкновения, империалисты предпринимают ряд мер, при помощи которых они хотят выбить козыри из рук национально-освободительного движения. В ответ на лозунг об отмене неравноправных договоров, державы выдвигают приемлемый для половинчатой и соглашательской группы китайской буржуазии и интеллигенции проект таможенной конференции, на которой должен был быть разрешен вопрос о повышении таможенных тарифов Китая. Этим своим мероприятием, своими разговорами по этому вопросу, державы хотели отвлечь общественное мнение страны от прямой цели освободительной борьбы и свести колоссальное народное движение, в крайнем случае, к мелким экономическим уступкам.

Дело в том, что согласно предыдущим договорам, носящим общее название неравноправных договоров, ввозные пошлины в Китай с иностранных товаров устанавливались в размере 5% «ад валорем», при чем самое исчисление этих пошлин производилось применительно к ценам товаров за прошлое время. В результате такого положения получилось то, что таможенные сборы, которые, между прочим, почти полностью уходили на покрытие процентов по иностранным займам, никогда не достигали размеров действительных 5%. Если подсчитать общую сумму всех ввезенных в Китай товаров иностранного происхождения и сумму таможенных сборов, то в 1905 г. эта сумма составляла только 3% действительных, а в 1912 г.—меньше 3%, в 1923 г.—значительно меньше и этих 3%. Кроме того, совершенно ускользали от обложения или облагались в незначительных размерах такие виды товаров, которые конкурировали с местными китайскими товарами. Поэтому Китай еще на Вашингтонской конференции выдвинул ряд требований, которые сводились в основном к тому, чтобы привести эти тарифы к размерам действительных 5%.

В надежде затуманить общественное мнение страны иностранные державы уведомили Китай, что на основании постановления Вашингтонской конференции будет созвана в конце 1925 г. специальная таможенная конференция, которая обсудит вопросы повышения таможенных тарифов. Но, к сожалению, для империалистов события в Китае развивались гораздо более быстрым темпом, чем они принимали свои решения. К тому моменту, когда державы известили о своем намерении сделать такие уступки Китаю, национально-освободительное движение в связи с поражением Чжан-Цзо-Лина вступило в полосу непосредственного наступления на империализм в Китае, и потому в Китае началось сильное движение сначала против самой таможенной конференции, а затем было подхвачено более компромиссное предложение—предоставление Китаю полной таможенной автономии. Некоторое время державы упирались, но затем с различными оговорками, фактически сводящими на-нет все их уступки в данном вопросе, согласились на введение с 1929 года таможенной автономии. Но и это мероприятие было слишком запоздалым—к этому времени произошло восстание Го-Сун-Лина, участь Чжан-Цзо-Лина была поставлена на карту, и вопрос стоял уже о победе национально-освободительного движения во всекитайском масштабе, а следовательно и полной победе всех его лозунгов и в первую очередь об отмене всех неравноправных договоров. Понятно, что при таком положении, уступка, делаемая иностранными империалистами Китаю, была слишком запозда-

лой и самое существование таможенной конференции, обсуждающей вопросы в слишком узкой плоскости, ставилось под вопрос. И конференция, вынеся ряд половинчатых решений, благополучно скончалась. Очевидно, что такая же судьба была бы суждена и переговорам по вопросам уничтожения экстерриториальности в Китае. Правда, теперь с отдалением непосредственной опасности и с некоторым уходом вглубь национально-освободительного движения на севере Китая, обстановка несколько меняется и для империалистов представляется возможность поговорить и по этому вопросу, но все же, в конце концов, особенных результатов из этих переговоров ожидать не приходится. Эта попытка затемнить мнимыми уступками китайское общественное мнение так же не удастся, как не удалось провести уловку с таможенными делами.

Одновременно с некоторым восстановлением положения на севере, Чжан-Цзо-Лин начинает закреплять свое положение в Маньчжурии, т. к. пытаться распространить свое влияние во всем Китае он еще долгое время не будет в состоянии. Между тем, его положение в Маньчжурии, было сильно поколеблено поражениями и «нейтральностью» ряда его генералов. Маньчжурия попрежнему остается основной базой китайской контрреволюции, и потому на нее должно быть обращено особенное внимание как самого Чжан-Цзо-Лина, так и держав, заинтересованных в его существовании, как противовеса национально-освободительного движения. Закрепления своего положения в Маньчжурии Чжан-Цзо-Лин не мыслит без вытеснения влияния СССР К.-В. ж. д., которая на основании договоров с Китаем является совместным коммерческим предприятием. Для империалистов в данном случае такое наступление вдвойне интересно: с одной стороны, захват Чжан-Цзо-Лином К.-В. ж. д. укрепляет положение его в Маньчжурии, с другой,—ослабляется положение СССР в Китае, т.-е. в конечном счете ослабляется национально-освободительное движение. Поэтому первые сведения о конфликте на К.-В. ж. д. в английской прессе появились даже раньше самого конфликта, а его развитие этой прессой было подхвачено на все голоса.

Но результаты конфликта уже известны. Чжан-Цзо-Лин должен был пойти на уступки и по крайней мере на время отказаться от намерения захватить дорогу для себя (а следовательно и для империалистов, в первую очередь для Японии). Твердый тон, который был занят советским правительством в этом вопросе, показал Чжан-цзо-Лину, что его попытки будут немедленно пресечены в самом корне, а наглость его отдельных местных представителей будет самым решительным образом опротестована. Чжан-Цзо-Лин вернулся к своим исходным позициям.

VI.

Подводя итоги теперешнему положению в Китае, нужно отметить следующие неоспоримые данные. В результате последних событий (поражение Чжан-Цзо-Лина, занятие народными армиями Тяньцзина, значительный рост кантонского правительства и его сил) национально-освободительное движение выходит из этого периода борьбы значительно окрепшим не только количественно, но—что самое важное—качественно. Обострение, которое приняла борьба, усиленная работа китайской компартии и Гоминдана по пропаганде идей национально-освободительного движения, резкий напор империалистов по отдельным вопросам, затрагивающим суверенитет Китая,—все это способствовало дифференциации сил в Китае, в результате чего выявились новые возможности национально-освободительной борьбы в лице народных армий. Вместе с тем, в силу того же роста национально-освободительного движения внутренние группировки сил, которые определяют в общем направление китайских событий, значительно изменились: национально-освободительное движение стало таким самостоятельным фактором, который не только свободно выявляется при отсутствии доминирования в данном районе какого-либо иностранного влияния, но и при наличии такого влияния бьет наружу, небезуспешно стараясь бороться с реакционными силами, поддерживающими это иностранное влияние. Чем дальше идет рост движения, тем больше он способствует дифференциации сил, присоединяя под знамена освободительной борьбы все большие силы и открывая тем самым для этой борьбы все большие возможности. Вместе с тем, самое существование революционного Кантона является могучим фактором, который об'единяет разрозненные стихийные силы национально-освободительной борьбы, а проводимая кантонским правительством политика в новом строительстве является действительным провозвестником нового свободного Китая, притягивающим к себе симпатии и поддержку всех лучших элементов страны.

Такое положение Кантона, как бродила революционного движения в Китае, вызывало и вызывает к нему ненависть империалистов, которые особенно в последнее время, когда обозначился особый рост Кантона и когда в борьбе с Гонконгом первый остается победителем, почувствовали, какую действительную опасность для них он представляет. Поэтому нужно ожидать усиленного нажима на Кантон особенно со стороны Англии всеми доступными средствами. Но этот нажим, как бы он ни кончился, даст один результат—национально-освободительное движение получит новый громадный толчок для своего развития. К таким же, правда, в меньшем масштабе, результатам приведет и нажим империалистов по отношению народных армий. Создалось такое положение, при котором всякому препятствию со стороны империалистов дальнейшему росту национально-освободительного движения будет противопоставляться ожесточенное сопротивление, в свою очередь обусловливающее дальнейшее углубление этого движения. Положение создается безвыходное для империалистов, так как пойти на такие уступки, которые бы смягчили и замедлили национально-освободительное движение, они не могут, а вместе с тем и иными путями задержать естественный ход событий также не могут.

В этой плоскости и развиваются и будут развиваться дальнейшие события в Китае. Временное же «затишье», которое по временам наступает в Китае, не должно никого обманывать—это не затишье, а углубление и дальнейшее расширение сил освободительной борьбы, новое активное накопление сил, которое неминуемо выльется в непродолжительном времени в еще более сильное открытое наступление на позиции империализма в Китае.

Виктор.

Положение в Польше.

Польша первая из всех европейских государств пала жертвой относительности стабилизации капитализма, на которую западно-европейские политики возлагали столько надежд. Кризис «стабилизации» не является характерной особенностью только Польши. И в других западно-европейских государствах мы отмечаем симптомы, свидетельствующие, что эта, улучшившаяся по сравнению с послевоенным периодом, кон'юнктура подходит к концу. В Польше, как в самом экономически слабом и, с точки зрения внутренних отношений, самом неустойчивом государстве, этот кризис проявился ранее всего и принял особенно резкие и грозные формы. В свою очередь польский кризис окажет влияние на другие страны, прежде всего на Германию. С одной стороны падение злотого до известной степени увеличит конкурентную способность польской промышленности путем создания экспортной премии, с другой стороны, это же падение злотого, первое падение вновь введенной твердой валюты, подрывает доверие к новым твердым валютам вообще.

Причины польского экономического и финансового кризиса неоднократно освещались в нашей печати, поэтому мы ограничимся только кратким повторением основных причин. Таковыми являются, прежде всего, великодержавные стремления Польши, желание играть большую роль в международной политике, не имея для этого достаточных рессурсов. Эти тенденции вызвали необходимость содержания крупной армии, которая тяжелым бременем ложится на польский бюджет.

Кроме армии, огромные суммы с'едает бюрократический административный аппарат, который к тому же отличается колоссальным взяточничеством и воровством. Так некоторые польские газеты утверждают, что за истекший год в Польше было разворовано около $^1/_4$ всего бюджета.

Инфляция, начало которой относится к первым дням возникновения польского государства и которая своего кульминационного пункта достигла в конце 1923 года, явилась расточением национального имущества и привела к обнищанию масс, в особенности мелкой городской буржуазии. В то же время в период инфляции крупная буржуазия при помощи казенных субсидий и займов сумела восстановить разрушенные во время войны фабрики и заводы. Низкий курс марки создавал все время условия, благоприятные для развития экспорта, и способствовал расширению производства, которое в целом ряде отраслей достигло, а иногда и превысило довоенные нормы.

Быстрота денежного обращения до известной степени компенсировала недостаток капиталов.

Но нездоровые основы, на которых восстанавливалась после войны польская промышленность, роковым образом сказались после того, как государство вынуждено было отказаться от политики инфляции, грозившей окончательно разрушить польскую экономику (фактически к концу 1923 года польская марка перестала исполнять функции денег, и ее заменил доллар) и ввело твердую валюту—злотый. Переход на твердую валюту обычно сопровождается промышленным кризисом. В Польше этот кризис оказался особенно глубоким и болезненным. Польская промышленность оказалась неспособной к конкуренции. С начала мировой войны она была лишена своего главного внешнего рынка — России, и только благодаря инфляции она смогла найти другие рынки. С введением злотого цены на изделия польской промышленности превысили уровень мировых цен. Экспорт стал быстро сокращаться. В то же время введение твердой валюты и высокий уровень цен вызвали усиление импорта. Торговый баланс Польши из активного превратился в пассивный. За первые 6 месяцев 1925 года отрицательное сальдо торгового баланса достигло 515 миллионов злотых (в 1924 г. оно равнялось 212 милл. злотых).

К этому прибавился таможенный конфликт с Германией, который поставил в катастрофическое положение тяжелую промышленность Верхней Силезии (конфликт возник в связи с истечением летом 1925 года срока женевского протокола о беспошлинном ввозе верхне-силезского угля в Германию в размере 500 тыс. тонн ежемесячно и отказом Германии возобновить договор).

Одновременно с потерей внешних рынков стал все более суживаться и внутренний рынок. Инфляция разорила широкие слои мелкой буржуазии. Переход на твердую валюту сопровождался усилением налогов, которые всем своим бременем легли на плечи трудящихся масс. В то время, как прямые налоги истекшего года дали лишь около 71%, предусмотренных бюджетом, с косвенных собрано свыше 150%.

В результате потери рынков, производство стало резко падать, фабрики закрываться одна за другой, количество безработных—увеличиваться со дня на день. В настоящий момент количество безработных по оффициальным данным перевалило за 300 тысяч, по неоффициальным—оно доходит до 700 тысяч. По последним данным безработица в среднем возрастает на 11.000 человек в неделю. Притом следует имет в виду, что значительное число действующих фабрик работает не более 2—3 дней в неделю.

Неурожай 1924 г. тяжело отразился на польском народном хозяйстве. Польша, ранее вывозившая хлеб, была вынуждена ввозить его из-за границы.

В 1925 году урожай был хороший и польское правительство, добиваясь активного баланса, а также уступая давлению аграриев, разрешило свободный вывоз хлеба за границу. В результате оказалось, что хлеба вывезено больше, чем следует, и к весне придется прибегнуть к импорту пшеницы.

Кризис промышленности и сельского хозяйства подорвал устойчивость нововведенной твердой валюты—злотого, который должен был стать фундаментом пресловутой «санации», т.-е. оздоровления польского хозяйства. Пассивный торговый баланс вызвал отлив золота и иностранной валюты из страны. Обнищание населения и экономический кризис отразились на поступлении

налогов. Чрезмерно разбухший бюджет сводился с хроническим дефицитом (дефицит последнего года достиг 500.000.000 злотых). Все это привело к падению злотого, который с паритета 5,18 злотых за доллар, в декабре 1925 г. пал до 12 злотых за доллар.

Пытаясь путем интервенции на заграничных и польских биржах искусственно поддержать курс злотого, польское правительство еще более уменьшило свои валютные запасы и растратило 2 небольших полученных Польшей иностранных займа («Банка Коммерчиале» в 400 миллионов лир и Диллона в 35 миллионов долларов).

Иностранный капитал вообще крайне неохотно идет в Польшу, ибо не верит в прочность польского государства и установившихся там социальных отношений. Падение злотого заставило правительство и Польский Банк сократить и без того недостаточные кредиты промышленности и торговле. Началась полоса банкротств, самоубийств (достигают в последнее время 20 в день) и проч. Финансовый и кредитный кризис еще более углубили расстройство экономической жизни.

Нарушение «стабилизации» польской экономики сорвало относительное равновесие, которое установилось было во внутреннеполитической жизни страны. Экономический кризис вызвал обострение социальных противоречий и усиление классовой борьбы. Падение валюты, дороговизна, катастрофическая безработица резко ухудшили положение рабочего класса, которое и в период «санации» было далеко не блестящим.

Рост дороговизны выразился в следующих цифрах. Если принять цены 1914 года за 100, то общие расходы [1] в

январе 1925 года были равны	150,0
октябре » » » »	155,1
декабре » » » »	173,1

Буржуазия, сумевшая тяжесть введения твердой валюты переложить на широкие массы трудящихся, пытается и теперь найти выход из экономического кризиса за счет рабочего класса. Активность пролетариата и его готовность к борьбе, упавшая после 1923 года под влиянием все более ухудшающегося положения и наступления буржуазии, снова подымается. В первых рядах выступают наиболее обездоленные слои рабочего класса — безработные, которые во всех промышленных центрах устраивают демонстрации, требуя улучшения своего положения. Правительство отвечает репрессиями и применением вооруженной силы. Полиция прибегает к новым способам борьбы — слезоточащим газам. Процесс активизации и полевения рабочего класса будет продолжаться вместе с ростом и углублением экономического кризиса.

Крупные сдвиги произошли также и в деревне. Основным вопросом в этой области был вопрос об аграрной реформе. Изданный в 1920 г., когда Красная Армия подходила к Варшаве, радикальный закон об аграрной реформе, был благополучно похоронен, как только миновала военная опасность. Новый аграрный закон вырабатывался 5 лет. Помещики, которые не смели выступать в 1920 г., теперь, имея в своем распоряжении крупные денежные средства и обладая большими связями, оказывали сильное влияние на правительство и законодательные органы. Крупные землевладельцы, которые до сих пор не были об'единены в одну политическую партию, стремятся к консолидации. Значительная их часть входила в партию эндеков. Но эндеки, стремящиеся сохранить союз с кулацкой партией «Пяст», вынуждены были голосовать за закон «о парцелляции», который явился весьма куцым остатком закона об аграрной реформе. Ввиду этого наблюдается отход аграриев от партии н.-д. Выразительницей интересов помещиков становится партия х.-н. (группа Дубановича). Процесс их организации завершается состоявшимся в Варшаве 10 сентября 1925 года с'ездом землевладельцев, в котором приняло участие около 2.000 человек.

[1] Согласно данным Главного Статистического Управления. Ведомости статистические № 1 от 5/I 1926 года.

Организованные помещики становятся крупной силой и оказывают сильное влияние на политическую жизнь страны. Им удалось ввести в и без того весьма умеренный аграрный закон такие «поправки», которые фактически похоронили всю реформу. Не говоря уже о всем законе, который преследует исключительно интересы кулацкого крестьянства и старается частичную ликвидацию помещичьего землевладения сделать как можно более безболезненной для помещиков, принятая по настоянию Сената поправка о том, что за отчуждаемую землю уплачивается от 50 до 20 процентов наличными, сводит на-нет даже те недостаточные мероприятия по наделению крестьян землей, которые предусмотрены законом. В самом деле, уплата наличными в современных условиях экономического и финансового кризиса совершенно неосуществима.

Такое разрешение аграрного вопроса вызывает сильное недовольство крестьянских масс и ускоряет процесс дифференциации крестьянских партий и группировок. Партия «Пяст», которая в свое время претендовала на представительство интересов всего крестьянства в целом, окончательно превратилась в партию «крепкого» кулацкого крестьянства. Она все более и более сближается с правыми буржуазными партиями, с которыми она уже составила в 1923 году центро-правое правительство Витоса. В настоящее время «Пяст» входит в коалиционное правительство Скшинского.

Стоящая левее «Пяста» партия «Вызволение», которая претендовала быть партией мелкого крестьянства, представляла из себя конгломерат самых разнородных элементов. Наряду с действительно радикальными элементами в этой партии уживались представители так называемой «радикальной интеллигенции», бывш. легионеры Пилсудского, ничего общего с крестьянством не имеющие. Процесс радикализации крестьянских масс имел для «Вызволения» весьма печальные последствия. От нее начали откалываться слева и справа различные группировки, и она, будучи ранее одной из крупнейших партий в Сейме, насчитывавшей 60 депутатов, сократилась до небольшой группы в 29 депутатов. Сперва от нее откололась группа левых депутатов во главе с Воевудским и Федеркевичем, образовавшая радикальную «независимую крестьянскую партию» (N. P. Ch.). Затем от нее отошла правая группа во главе с бывш. лидером «Вызволения» Тугуттом, образовавшая «партию труда». Наконец, в декабре 1925 г. произошел новый раскол: из «Вызволения» ушел Ян Домбский с 16 депутатами, образовавший «крестьянскую партию».

Одновременно с разложением крестьянских партий наблюдается процесс консолидации радикальных элементов среди них.

Так последний раскол в «Вызволении» произошел под лозунгом об'единения с «крестьянским союзом» (группа депутатов Брилия), который образовался вследствие раскола «Пяста» в конце 1923 г. Несомненно, в ближайшее время группа Домбского соединится с группой Бриля[1]). К ним примкнет, вероятно, группа ксендза Оконя («радикальная крестьянская партия») или, по крайней мере, часть этой группы. Образовавшаяся таким путем партия вступит в блок с «независимой крестьянской партией». Таким образом, на левом фланге польской общественности появится в самом ближайшем будущем сильный радикальный крестьянский блок, который, несомненно, встретит поддержку в широких крестьянских массах. Этот блок выдвинет лозунг передачи земли крестьянству без выкупа и будет по всем вопросам внутренней политики выступать левее «Вызволения». В вопросах внешней политики блок займет благожелательное отношение к СССР в противовес так наз. «левице», которая настроена резко антисоветски. Для политической ориентации будущего блока характерно возглавление одним из его организаторов, депутатом Брилем, делегации польских парламентариев, посетивших СССР.

Процесс разложения крестьянских партий и консолидация радикальных элементов среди них продолжается. В «Вызволении» ожидается новый раскол. На этот раз должна уйти группа представителей восточных окраин. Эта группа также, вероятно, примкнет к крестьянскому блоку. Можно также ожидать дальнейших расколов в «Пясте».

Экономический кризис и неустойчивость положения внутри страны, естественно, не создают предпосылок для существования твердого правительства. Ко всем существующим кризисам прибавляется кризис власти. Политику «оздоровления» польского хозяйства и введения твердой валюты проводило правительство Владислава Грабского. Полтора года Грабский был «спасителем отечества» и разлагающийся Сейм наделил его чрезвычайными полномочиями. После того, как выяснился полный крах политики оздоровления, Грабский вынужден был уйти, хотя он и сохранил небольшое большинство в Сейме. Недавний герой—он стал козлом отпущения и об'ектом ожесточенных нападок. Нашлось даже 100 депутатов, которые потребовали предания его суду.

После падения Грабского, создалось весьма тяжелое положение. Сейм, состоящий из множества враждующих между собой, раскалывающихся партий, давно утратил всякий авторитет и не был в состоянии выделить какое-либо правительство. Ни одна из партий не хотела брать на себя ответственность за власть. Выход был найден в полупарламентарном коалиционном правительстве Скшинского. Такое «механическое» разрешение кризиса является, конечно, только временным. Противоречия, раздирающие правительство, настолько велики, что оно не распадается только потому, что все возможные правительственные комбинации уже исчерпаны. Правые партии, которые играют доминирующую роль в правительстве и сосредоточили в своих руках важнейшие портфели, откровенно стремятся к «удешевлению продукции» путем удлинения 8-часового рабочего дня, уменьшения заработной платы, и «бюджетному равновесию», путем ликвидации министерств труда и социального обеспечения, общественных ра-

[1]) По последним сведениям это соединение произошло 22 января с. г.

бот и здравоохранения, а также уменьшения расходов на народное образование, сокращения числа чиновников и снижения им заработной платы. Участие пепеэсовцев в правительстве имеет для правых тот смысл, что при их помощи они надеются более безболезненно провести свою программу. Пепеэсовские вожди должны помочь буржуазии сломить сопротивление рабочих масс, оказываемое ими наступлению капиталистов. Пепеэсовцы вошли в правительство для того, чтобы, как они заявляют, спасать отечество, находящееся на краю гибели. Они находят, что надо сотрудничать с буржуазией, ибо и капиталисты и рабочие одинаково заинтересованы в восстановлении производства. В то же время, заседая в правительстве вместе с эндеками, палачем краковских рабочих Керником, пепеэсовцы заявляют, что они продолжают классовую борьбу.

Однако, наступление капитала и под'ем рабочего движения ставят пепеэсовцев в весьма тяжелое положение. Боязнь революции заставляет их сотрудничать с буржуазией. С другой стороны, их участие в правительстве, где они являются игрушкой в руках буржуазных партий, вызывает возмущение в рабочих массах. Главный козырь пепеэсовцев заключается в том, что они имеют монополию на легальность. Массы настроены гораздо левее, но компартия, находящаяся в глубоком подполье, не в силах организационно охватить всех ей сочувствующих. С нею пепеэсовцы борются при помощи охранки.

Часть пепеэсовских лидеров учитывает настроение рабочих масс. Поэтому, на последнем партийном с'езде ППС была разыграна комедия в «оппозицию». Часть вождей, прожженных оппортунистов, оказалась вдруг в оппозиции и требовала ухода из коалиционного правительства. Нашлись своего рода «ультиматисты», которые считали необходимым поставить правительству условия, при выполнении которых ППС сможет остаться в коалиции. Все это было плохо разыгранной комедией. С'езд оставил полную свободу действий вождям, а последние продолжают спокойно сотрудничать с буржуазией.

Однако, в рядах ППС имеется не подставная, а действительная, чисто-рабочая оппозиция. На-днях в Западной Галиции и Верхней Силезии, в организации ППС произошел раскол, при чем отколовшаяся группа стала издавать свой орган.

Несмотря на весь оппортунизм вождей ППС, противоречия между ними и правыми партиями, входящими в коалицию, все увеличиваются. Пепеэсовские министры вынуждены были согласиться на сокращение жалования чиновникам. Теперь н.-д. в лице своего лидера Дмовского и министра финансов Здеховского требуют немедленной ликвидации восьмичасового рабочего дня и уменьшения заработной платы. Запрещение вывоза хлеба, которого добивались пепеэсовцы, до сих пор не проведено в жизнь. Между тем, хлеб уже вывезен в таком количестве, что его не хватит до будущего урожая. За последнее время буржуазная пресса начинает поговаривать о том, что деньги, идущие на пособие безработных, надо отдать промышленникам: те пустят в ход фабрики, и таким образом будет ликвидирована безработица.

При таком положении дальнейшее пребывание в коалиции даже для пепеэсовских оппортунистов может сделаться невыносимым.

Одним из главных внутренних противоречий Польши является также вопрос о национальных меньшинствах. В Польше живет 11 миллионов украинцев, белоруссов, евреев и немцев, что составляет более одной трети всего населения страны. Польское правительство ведет по отношению к ним политику беспримерного национального угнетения. Национальные меньшинства не считаются полноправными гражданами Польши. По теории, выдвинутой правыми партиями, имеют право выбирать Президента Республики и утверждать правительство только польские сеймовые партии. Все это не может не вызвать сопротивления со стороны угнетенных народностей, и их отношения к польской государственности являются открыто враждебными. Особенно большого напряжения достигает положение на восточных окраинах («кресах»), населенных в подавляющем большинстве украинцами и белоруссами. Польское правительство пытается колонизировать окраины так же, как это делала в свое время Пруссия по отношению к полякам в Познани. Для этой цели создано так наз. осадничество. Только что принятый закон об аграрной реформе является новым ударом для украинских и белорусских крестьян, ибо земля, которая будет отчуждена у помещиков, перейдет не к ним, а будет употреблена на цели колонизации. Об обещанной культурной автономии нечего и говорить. В этом отношении польское правительство проводит ту же политику, какую царизм применял в отношении поляков. Царское правительство в свое время предлагало полякам открыть польский университет в Новочеркасске. Теперь польское правительство хочет украинский университет открыть в Кракове. Сотни украинских и белорусских школ закрываются под всякими предлогами. Проводимая за последнее время так наз. «утраквизация» школ означает окончательную ликвидацию школ национальных меньшинств.

Вся эта политика вызывает сильное возмущение среди населения Восточной Галиции, Волыни и Зап. Белоруссии, которое выливается в партизанском движении.

Подобную же политику польское правительство проводит по отношению к немцам и евреям. Преследование немецкого меньшинства и выселение германских оптантов из Польши было одной из причин обострения отношений с Германией и германско-польской таможенной войны. В конце концов под давлением Англии Польша была вынуждена это выселение приостановить.

Польша наряду с Румынией является одной из самых классических стран по своему антисемитизму. Не говоря уже об н.-д., его не чужды даже левые партии. В связи с этим и евреи в Польше подвергаются особенным преследованиям. В высших учебных заведениях введена процентная норма для евреев так назыв. «нумерус кляузус». Евреи подвергаются экономическому бойкоту, их стараются вытеснить из промышленности и торговли. Несмотря на все это, сеймовый еврейский клуб, который состоит из представителей буржуазных партий, настроен весьма оппортунистически. В середине 1925 года он заключил соглашение с польским правительством, по которому в обмен за некоторое ослабление антисемитского курса обязался поддерживать правительство. Однако, направление политики против евреев осталось прежним, и клуб опять вынужден перейти в оппозицию.

Обострение национальной борьбы, в процессе которой трудящиеся массы национальных меньшинств зачастую выступают против правительства с оружием в руках, а буржуазные элементы ограничиваются оппозицией в Сейме и жалобою и протестом в Лигу Наций, является серьезной угрозой устойчивости положения внутри страны и создает правительству большие трудности во внешней политике.

Тяжелое положение страны, неустойчивость правительства, падение авторитета Сейма,—все это создает почву благоприятную для усиления всевозможных фашистских и военных организаций, ставящих своей целью разрешение правительственного кризиса путем переворота. С одной стороны, усиливается деятельность монархических организаций, которые на-днях устроили съезд в Познани. Польские монархисты имеют сторонников только среди помещичьих кругов; к ним также принадлежало несколько генералов, главным образом бывшей царской армии, вроде пресловутого генерала Довбора-Мусницкого. Теперь монархисты хотят перебросить свою работу в деревню, для чего стали издавать в Ченстохове газету «Монархический Голос», предназначенную для крестьян. Впрочем, пока что монархисты не имеют серьезного значения и каких-либо шансов на успех.

Гораздо более серьезными представляются другие организации, группирующиеся вокруг «отдыхающего» в своем имении «Сулеювек» под Варшавой маршала Пилсудского. Бывший революционер, ставший потом, по своему собственному мнению, «самым крупным военным специалистом и полководцем в Польше», Пилсудский оказал польской буржуазии неоценимые услуги в первые годы существования польского государства, много сделавши для предотвращения надвигающейся революции. Когда опасность революции миновала, Пилсудский сделался ненужен и вынужден был уйти. Буржуазия сама взяла в свои руки власть. Пилсудский был для нее неподходящим, как слишком «красный», слишком связанный с кругами радикальной буржуазной интеллигенции. Она боялась его авантюристических планов, которые не соответствовали ее внешней политике. Пилсудский два года оставался в тени. В настоящее время угроза новых социальных потрясений снова выдвигает на сцену Пилсудского, как человека, который уже раз спас Польшу от революции. Экономический кризис особенно сильно отразился на мелко-буржуазной интеллигенции. Все усиливающаяся пауперизация этих слоев толкает их к активности и способствует увеличению числа сторонников «1 марта». Опорой Пилсудского являются воспитанные им кадры так наз. «пилсудчиков»—офицеры его легионов. Они составляют главную силу его организаций: ПОВ («польская организация свободы») и Стрелкового Союза. Из политических партий наиболее близкой Пилсудскому является «Вызволение». ППС, хотя и не так близка к своему бывшему вождю, все-таки принадлежит к лагерю Пилсудского, который, кроме того, имеет среди ее лидеров своих личных друзей (среди них находится министр в настоящем кабинете—Морачевский).

Главной задачей Пилсудского является в настоящее время борьба за армию. После его ухода в отставку правые партии, которым удалось проводить на должность военного министра подходящих для них людей (генералы Шептыцкий и Сикорский), поставили своей целью вырвать армию из-под влияния Пилсудского. Для этого они начали «чистку» армии, удаляя и смещая с ответственных постов всех сторонников отставного маршала. Мо-

ментами борьба достигала большого напряжения, и обе стороны готовились разрешить спор вооруженным путем. Сейчас Пилсудский начинает отвоевывать утраченные позиции. Военным министром в кабинете Скшинского состоит его сторонник генерал Желиговский, и пилсудчики опять возвращаются на руководящие посты. Сейчас борьба сосредоточилась вокруг законопроекта об организации высших военных властей, который генералом Сикорским был так составлен, что генеральный инспектор армии (а этот пост и предназначался для Пилсудского) имеет такие ограниченные права, что им может быть, по мнению Пилсудского, только идиот или осел. От изменения этого законопроекта зависит возвращение Пилсудского в армию, чего ультимативно добиваются и военный министр Желиговский и пепеэсовский министр общественных работ Морачевский.

Возросшее значение Пилсудского вызывает стремление чуть ли не всех политических партий перетянуть его на свою сторону. С ним пытаются столковаться даже монархисты и эндеки.

Усиление значения Пилсудского и конспиративных организаций лишний раз свидетельствует о слабости правительства и неустойчивости внутреннего положения Польши.

Эта неустойчивость самым отрицательным образом отражается и на внешнем положении страны. Польша, несмотря на все свои великодержавные устремления, не играет в международной политике той роли, какую она могла бы играть. С ней, например, считаются гораздо меньше, чем с соседней Чехо-Словакией, значительно уступающей Польше в отношении территории и численности населения. Польша с самого своего возникновения, как независимое государство, не была в состоянии вести самостоятельной политики и являлась вассалом великих держав. Самое сильное влияние в ней имела Франция, и союз с Францией был основой всей польской внешней политики. Он гарантировал Польше безопасность ее границ. Вместе с тем по указке Франции Польша вела агрессивную политику по отношению к СССР и Германии.

Теперь международное значение Франции, переживающей острый финансовый кризис, стало падать. Это особенно выявилось во время Локарнской конференции. Польша лишается, таким образом, своей главной опоры. В то же время заключенные в Локарно договоры создают угрозу западным границам Польши. Версальский договор отнял у Германии и передал Польше так назыв. Данцигский коридор, который отделяет Восточную Пруссию от остальной Германии, Познанскую область и Верхнюю Силезию. Германия никогда не могла примириться с потерей этих территорий. Локарнский договор, который гарантирует только восточную границу Франции, не распространяет этой гарантии на западную границу Польши. Эта последняя обеспечена отдельным гарантийным договором, который подписан Францией, но под которым нет в отличие от «Рейнского договора» подписи Англии. Это различное обеспечение границ Франции и Польши создает для последней угрозу пересмотра ее границ, когда Германия сочтет удобным поставить этот вопрос. Сама французская гарантия польских границ является весьма относительной, ибо фактически, согласно тому же Локарнскому договору, Франция не может притти на помощь Польше без санкции Англии. Если принять во внимание, что и Германия не может поднять вопрос

о пересмотре своих границ с Польшей без поддержки Англии, то станет ясно, что после Локарно международное положение Польши в значительной степени зависит от Англии. Это, конечно, способствует усилению английского влияния. Другим фактором укрепляющим влияние Англии является экономическое положение Польши и крайняя необходимость для нее в иностранном займе. Попытки получить заем в Америке успеха не имеют. Америка предпочитает действовать при посредстве Англии. Приехавший на две недели в Польшу американский эксперт Кеммерер прочел полякам популярную лекцию по политической экономии, получив за это 10.000 долларов, и уехал, дав понять, что на заем в Америке рассчитывать нечего. Таким образом, и международная обстановка и экономический кризис способствуют тому, что в Польше английская ориентация начинает брать верх над французской. Англия, ведя определенно антисоветскую политику, пытается создать блок европейских держав, направленный против СССР. В этот блок она хочет привлечь и Польшу. Свою политику Англия старается проводить в Польше через определенные группировки. Наиболее влиятельная до сих пор в вопросах иностранной политики партия н.-д. является определенно франкофильской. Проводниками английского влияния выступают левые группировки, прежде всего сторонники Пилсудского. Их ярая враждебность к СССР, как нельзя более способствует планам английской политики. Английское влияние постепенно проникает в Польшу. Политика польского правительства отражает на себе этот процесс. Она лишена последовательности, определенной линии. Польская буржуазия борется за последние остатки своей самостоятельности. Она понимает, что Англия толкает Польшу на новые авантюры на Востоке, которые противоречат экономическим интересам страны. Но вместе с тем польские правящие круги ищут спасения от экономического кризиса в немедленном крупном займе, а заем может дать только Англия, конечно, на определенных условиях...

Но по существу даже иностранный заем не явится для нее средством спасения. Он не откроет для Польши новых рынков сбыта, он не сделает польскую промышленность более способной к конкуренции. Иностранный капитал, который, в случае получения займа, получит контроль над польским народным хозяйством, совсем не будет заинтересован в развитии польской промышленности и приобретении ею новых рынков. Заем будет растрачен, как были растрачены предшествующие займы, и через некоторое время Польша опять очутится у разбитого корыта. Вместе с тем заем наложит колоссальное бремя на государственную казну, и ни произведенное правительством Скшинского сокращение государственного бюджета на 500 миллионов злотых, ни некоторая активность торгового баланса не спасут польских финансов. За последние месяцы польский торговый баланс стал опять активным. Но это произошло не за счет увеличения экспорта, а за счет уменьшения импорта. Во втором полугодии 1925 года импорт сократился на две трети по сравнению с первым полугодием. Таким образом, временная активность торгового баланса была достигнута за счет лишения населения необходимых ему товаров заграничного происхождения. Польская промышленность продолжает разрушаться. Фабрики останавливаются одна за другой. Наблюдается редкое в истории явление: эмиграция промышлен-

ности. Предприятия переносятся в Румынию, на Балканы, в Турцию. Польша задыхается из-за отсутствия рынка.

И выход из положения напрашивается сам собой. Только при условии соглашения с СССР, отказа от авантюристической политики путем сотрудничества с восточным соседом Польша может выйти из того тупика, в котором она очутилась. Пойдут ли правящие круги Польши по этому пути? Это покажет будущее. Во всяком случае в Польше есть силы, которые будут толкать ее в этом направлении. Помимо рабочих масс, под давлением которых даже ППС должна была высказаться за экономическое сближение с СССР, помимо усиливающейся партии мелкого крестьянства, недавно организовавших поездку к нам своих представителей, трезвые круги польской буржуазии понимают, что в этом залог экономического оздоровления Польши и единственная возможность для нее избежать превращения в колонию западно-европейского и американского капитала.

Г. Белкин.

К вопросу о трудовых артелях.

Проект нового декрета о трудовых артелях должен быть издан в отмену ныне действующего декрета от 15 декабря 1924 г., который оказался нежизненным и на практике почти не применялся.

Основная причина нежизненности этого декрета заключается в том, что он считает «работу артели с материалами работодателя» единственным признаком существования между ними трудового отношения.

Однако, работа собственными или чужими материалами производства сама по себе ничего еще не говорит о природе отношений, существующих между производителем и заказчиком. И частный подрядчик, и государственное предприятие, и промысловый кооператив, могут работать из материалов своих заказчиков, но никто не станет утверждать, что между первыми и последними в таком случае существует трудовое отношение. Когда производитель выполняет работу заказчика в своем собственном хозяйстве (на своем заводе, на своей фабрике), то независимо от того, выполняет ли он работу своими материалами или чужими, он является предпринимателем (самостоятельным хозяйствующим суб'ектом).

С другой стороны, когда рабочие работают «собственными материалами», они еще не всегда являются подрядчиками. Рабочие, не владеющие ничем, кроме своей рабочей силы, могут приобретать материалы производства только на средства работодателя—на его «авансы», являющиеся не чем иным, как выдачей материалов производства в их денежном выражении.

Некоторые товарищи, в частности работники нашей юстиции, полагают, что, когда лицо или группа лиц (артель), помимо продажи своей рабочей силы, поставляют еще нанимателю на его средства материалы производства, то они этим самым из наемных рабочих превращаются в самостоятельных производителей. Это было бы верно, если бы поставка материалов производства на средства работодателя явилась бы новым источником дохода рабочего, помимо его заработной платы. В действительности же этого никогда не бывает.

Когда работодатель имеет дело с экономически зависимыми от него наемными рабочими, то он имеет возможность не только установить крайне низкую заработную плату, едва хватающую на поддержание их существования, но и засчитывать им материалы производства в такую цену, которая при максимальной экономии едва покрывает расход на их приобретение.

Исследования кустарных промыслов, произведенные во второй половине XIX и начале XX столетий, различными губернскими статистическими комитетами, земствами, и др., дают богатейший материал, свидетельствующий о том, что заработки

тех пролетаризированных кустарей, которые работали «собственными материалами», приобретаемыми на авансы скупщика или предпринимателя, были гораздо ниже заработков кустарей, работавших с материалами работодателя. Когда кустарь-квартирник работает «собственными материалами», скупщик в цену изделий, помимо определенной (обыкновенно крайне низкой) заработной платы, включает не среднюю стоимость материалов, существующую в данной местности, а фактический расход кустаря на их приобретение. Не оплачивается и время, (иногда очень продолжительное), затрачиваемое кустарем на приобретение и доставку материалов, что уже при прочих равных условиях сокращает заработок кустаря.

Зависимый от скупщика или предпринимателя, кустарь-квартирник, работающий «собственными материалами», никакими средствами не в состоянии поднять свой заработок. Даже та помощь, которая оказывалась кустарю правительственными органами и общественными организациями в виде отпуска ему материалов производства по льготным ценам (лес, глина и т. п.), никогда не достигала цели, так как скупщик, соответственно этому уменьшению стоимости материалов, снижал и цены на изделия. При работе кустаря материалами, выданными ему работодателем, его заработная плата, как бы она ни была мизерна, не может спуститься до нуля; при работе же кустаря «собственными материалами», приобретаемыми на средства скупщика, он иногда выручает за свои изделия сумму, едва покрывающую расход на одни только материалы.

Общеизвестно, что при неорганизованности рабочих и при отсутствии законодательной охраны их труда, заработная плата при известных условиях имеет тенденции спуститься до физиологического минимума и даже ниже его. Работа рабочего или кустаря-квартирника с материалами, приобретаемыми им на средства работодателя, не только не ослабяет действие этого закона, но его усугубляет, так как рабочий в данном случае попадает в двойную зависимость от работодателя: с одной стороны, как лицо, единственным источником существования которого является заработная плата, с другой, как должник. Усиление же экономической зависимости делает рабочего более беспомощным и уничтожает всякую возможность его сопротивления работодателю.

Близкой к системе эксплоатации труда, основанной на выдаче рабочим материалов производства не в натуре, а в их денежном выражении, является форма найма, известная в истории артельного движения под названием «покрута». Характерная особенность системы «покрута» заключалась в том, что артели, не имея средств производства, а также средств существования на время промысла (напр., орудия промысла, с'естные припасы, деньги на прокормление семьи) получали их от работодателя. За пользование средствами производства и авансирование в счет будущего промысла, артели отдавали работодателю львиную долю произведенной ими продукции (напр., $^3/_5$ улова рыбы). Остальная часть (напр., $^2/_5$ улова рыбы) доставалась членам артелей за их труд. Но члены артелей не имели права распоряжаться своей долей в промысле, а обязаны были продавать ее работодателю по произвольно назначенной им низкой цене. Вследствие такой политики назначения цен за причитающуюся артелям долю

добычи, нередко за вычетом работодателю долга, который производился при расчете, членам артелей никакого заработка не оставалось, и они опять вынуждены были жить на «авансы», получаемые от работодателя в счет будущего заработка. Таким образом, члены артелей превращались в зависимых невольных рабочих, вынужденных всегда продавать свою рабочую силу одним и тем же предпринимателям. Эта зависимость привела к закабалению и обнищанию «покрученников».

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что и в настоящее время работа артели «собственными материалами», приобретаемыми на средства работодателя, приводит к не менее тяжелым последствиям. В обувном производстве дневной заработок кустаря-квартирника, поставляющего работодателю материалы на его средства, до того ничтожен, что достигает в ряде районов (Курск., Воронежск. и др. губ.) 35—40 коп. при 14—16-часовом рабочем дне. Немногим лучше положение неорганизованных городских квартирников, «патентщиков» или об'единенных в артели, на которых до сих пор не распространяется законодательство о труде. Только организованные квартирники, под руководством профессионального союза, упорной экономической борьбой добились лучших условий труда. Характерно, что требование выдачи работодателем основных материалов производства, а также требование установления твердого процента надбавки на заработную плату за подобные материалы (в том случае, когда квартирник поставлял их от себя) пользовалось наибольшей популярностью в широких массах рабочих-квартирников.

В строительной и других отраслях промышленности система работы артели «собственными материалами», приобретаемыми на средства работодателя, получила широкое распространение после издания действующего декрета. Несовершенство редакции отдельных статей декрета привело к тому, что многие юристы и трудсуды толковали поставку артелью материалов производства на средства работодателя, как «работу собственными материалами». Это дало возможность работодателям безнаказанно подвести наемных рабочих, членов артелей, под категорию самостоятельных производителей.

Невольная «самостоятельность», навязанная артели работодателем, имела целью не только ухудшение условий труда ее членов, но и изоляцию их от профсоюзов и органов законодательной охраны труда. В отдельных случаях это работодателям удавалось. Некоторые местные губотделы профсоюзов и инспектора труда действительно принимали закабаленного рабочего за мелкого собственника. Но большинство из них никогда не сомневалось в рабочей природе членов артелей, работающих на авансах работодателей. Они отлично знали, что только распространение законодательства о труде на трудовые артели, поставляющие нанимателям на их средства материалы производства, уничтожит тот стимул, который в настоящее время побуждает практиковать такую систему договоров с артелями.

В не меньшей мере повинна в провале декрета изданная инструкция ВСНХ и НКТ РСФСР, установившая признаки, отличающие трудовую артель от промыслового кооператива.

Согласно инструкции, промысловым кооперативом является об'единение лиц, имеющих собственное предприятие (технически

оборудованное хозяйство). «Собственному предприятию» инструкция противопоставляет простые орудия производства (топоры, пилы, лопаты и т. п.), обладание которыми не является признаком «наличия у трудовой артели особого технически оборудованного хозяйства (предприятия)». Это противопоставление простых орудий производства «собственному предприятию» свидетельствует о том, что под технически оборудованным хозяйством (предприятием) инструкция подразумевает наличие у артели сложных машин или технических установок, независимо от той роли, какую они играют в общей совокупности средств производства.

Такое абстрактное и одностороннее определение «собственного предприятия» на практике оказалось так же мало применимым, как и определение трудового отношения, данное декретом.

Не всегда в основе «предприятия» (хозяйства) лежит техническое оборудование. Только на определенной стадии развития техники производства большую роль в постоянном капитале начинает играть техническое оборудование (здания, машины, установки и т. д.). В таких предприятиях (хозяйствах) основной капитал действительно приобретает колоссальное значение в общей совокупности средств производства (в общей массе постоянного капитала). Однако, в предприятиях с таким высоким органическим строением капитала труд артелей не применим. Труд артелей применяется, главным образом, в технически отсталых отраслях промышленности (строительной, ручной обувной, лесозаготовительной, швейной, местного транспорта и т. п.), в которых сложные машины не играют большой роли, так как 90—95% всех капиталов, вложенных в производство, содержатся не в техническом оборудовании, а в материалах и средствах, затрачиваемых на покупку рабочей силы.

Вследствие того ничтожного значения, которое в данном случае имеет техническое оборудование в общей совокупности средств производства, наличие у артели некоторых сложных машин или собственных технических установок не делает ее хозяйственно самостоятельной.

Для пошивки обуви, одежды, постройки дома, рубки, сплава и вывоза леса, мало иметь те или иные технические установки или машины. Необходимо, главным образом, иметь средства на приобретение материалов производства и на оплату рабочих. При наличии средств на покупку материалов и на оплату труда, производство может вестись и в том случае, когда нет никакого технического оборудования. Поэтому в строительной, лесозаготовительной, швейной, обувной ручной и однородных им, по степени технического развития, отраслях промышленности наличие у артели некоторых машин или технических установок не делает ее экономически самостоятельной. Единственным источником существования подобной артели остается заработная плата, как и в том случае, когда она, кроме рабочей силы своих членов, ничем не владеет. Действительным владельцем предприятия (хозяйства) является не артель, работающая собственными сложными машинами (напр., швейные машины у артелей швейников, заготовщиков, машины для резки металлов у артелей строителей и т. п.), а то лицо, которое предоставляет артели материалы производства и оплачивает труд ее членов.

Когда рабочий работает на собственной машине, он приносит пользу только своему работодателю. В остальных отраслях промышленности, в которых широко применяется труд артелей или одиночек-квартирников, работодатель стремится усилить эксплоатацию рабочего не только путем прямого понижения заработной платы, но и путем переложения на рабочего значительной части своих производственных расходов (организационных расходов, расходов на покупку и доставку материалов производства, оплату машин, помещения для работы и т. п.). Таким образом, машины не увеличивают заработка рабочего, а его сокращают.

Но это еще не все. Следует принять во внимание, что рабочий, единственным источником существования которого является заработная плата, не может на свои средства покупать дорого стоящие машины, как и не может приобретать на свои средства материалы производства. Машина обыкновенно предоставляется рабочему или артели работодателем, что бывает чаще всего, или государственной или частной конторой на выплату в рассрочку. В таком случае, рабочий, не являясь владельцем машины до тех пор, пока не оплатит ее стоимость, не может превратить ее в капитал (продать ее), что иногда было бы ему выгоднее, так как вырученная за машину сумма денег могла бы быть использована им в торговле или другом промысле, что давало бы ему больший доход, чем он получает от своей работы по найму. Действительным владельцем машины является, как и в случае покупки материалов на средства работодателя, не рабочий, который на ней работает, а то лицо или учреждение, которому рабочим-«машинником» регулярно выплачивается ее стоимость и которому он вынужден вернуть «свою машину», в том случае, когда он вследствие долгой безработицы или других об'ективных условий не может продолжать за нее платить. Машина переходит в собственность рабочего только после нескольких лет пользования ею (когда оплачена ее стоимость), когда машина фактически никакой ценности собой не представляет.

Это крайне существенный момент, который нельзя упустить из виду при разрешении вопроса о пролетарской природе лиц, работающих на работодателя своими собственными сложными машинами.

Но рабочий или группа рабочих (артель), работающих на своих машинах, не только оплачивают их стоимость из своего скудного заработка, но, как и в случае работы «собственными материалами», приобретаемыми на средства работодателя, попадают в двойную экономическую зависимость. Рабочий может платить за полученную им в кредит машину, когда он работает. Вследствие этого еще больше увеличивается нуждаемость рабочего в заработке. Это усиление нуждаемости в заработке увеличивает и экономическую зависимость нанимаемого от нанимателя, что неизбежно приводит к усиленной эксплоатации его труда. Следовательно, машины приводят не только к косвенному сокращению заработной платы, но и к прямому—понижение расценков.

Система работы рабочего на своей машине для профсоюзов неприемлема не только потому, что она является скрытой формой сокращения заработной платы рабочего, но и потому, что эта скрытая форма сокращения заработка рабочего затушевывает в глазах рабочего действительные причины его усиленной

эксплоатации. Поэтому основным требованием профсоюзов является или предоставление машины рабочему нанимателем, или оплата последним за предоставленные рабочему в кредит машины.

Инструкция ВСНХ и НКТ, отнеся артель, работающую сложными оборудованиями и техническими установками, независимо от того значения, какое они имеют в общей совокупности средств производства, к разряду промысловой кооперации, не только не стала на путь борьбы с замаскированной формой усиленной эксплоатации труда членов артелей, но, наоборот, эту форму эксплоатации труда узаконила.

Таким образом, декрет и инструкция, имевшие целью распространить законодательство о труде на трудовые артели, в действительности своим неверным определением трудового отношения и признаков, отличающих трудовую артель от промыслового кооператива, дали возможность подменить трудовой договор подрядным.

Подмена трудового договора подрядным чревата тяжелыми последствиями для членов артелей. В то время, как трудовой договор защищает рабочего, как экономически более слабую сторону, от усиленной эксплоатации нанимателем, договор подряда предусматривает, главным образом, не защиту интересов рабочего-подрядчика, а заказчика, который в данном случае выступает в лице нанимателя. Следовательно, группа наемных рабочих, работающих на основе договора подряда, помимо того, что является экономически более слабой стороной, еще становится бесправной. Можно себе представить, к чему приводит такое положение вещей, при котором на стороне нанимателя оказывается не только экономическая сила, но и право.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что артель, работающая по договору подряда, получает такую оплату, которой едва хватает на прокормление ее членов, и это при наилучшем стечении обстоятельств (при выполнении подряда). Но бывает, что артель, по об'ективным условиям, не в состоянии выполнить подряд, и тогда артель не только не получает причитающуюся ей заработную плату, но должна платить неустойки или возмещать убытки, понесенные заказчиком. Неустойки иногда выражаются в сумме, значительно превышающей плату, следуемую артели за работу.

Превращение членов трудовых артелей в беззащитных рабочих сделало трудовую артель приманкой для частного капитала (подрядчика). Произведенное в 1925 г. инспекцией труда и РКИ обследование артелей в ряде городов (Ленинград, Москва, Иваново-Вознесенск и др.), обнаружило частно-капиталистический характер большинства зарегистрированных трудовых артелей. Председателями правлений артели и «производработы», за редким исключением, являются бывшие подрядчики, которые самовольно вербуют членов артелей на черной бирже, рассчитывают их, производят вычеты из заработной платы членов (не об'ясняя им цели этого), по своему устанавливают размеры заработной платы и др. условия труда. Под вывеской трудовой артели скрывается частное предприятие, которое не только уклоняется от заключения с рабочими трудового договора и несения налогов, но перекладывает на рабочих риск, вытекающий из гражданских (имущественных) отношений между предприя-

тием (подрядчиком) и заказчиком. Эта двойная эксплоатация труда непосредственного нанимателя, с одной стороны, и посредника-подрядчика, с другой, доводила «членов артелей» до такого отчаяния, что они сами искали защиты у инспекции труда и профсоюзов от своих «руководителей».

Профсоюзы, понятно, не остались равнодушными к бесчеловечной эксплоатации труда членов трудовых артелей и повсеместно вели решительную борьбу, как с прикрытием трудового отношения фиктивным подрядом, так и с подрядчиками, которые под видом главарей артели, производработ, председателей правлений, эксплоатировали ее членов.

Однако, развертыванию профсоюзной борьбы за улучшение условий труда членов артелей на практике мешали указанные выше декрет и инструкция ВСНХ и НКТ, которые своим неправильным определением трудового отношения и признаков, отличающих трудовую артель от промыслового кооператива, создали крайне разнообразную судебную практику. В одних случаях судьи принимали во внимание не внешнюю форму договора, а социально-экономическое положение заподрядившихся и тогда спор решали таким образом, как если бы с последними был заключен трудовой договор. В других—судьи исходили не из существа действительных отношений между сторонами, а из содержания заключенного ими договора, и тогда суд выносил решение в пользу работодателя.

Это побудило профсоюзы поднять вопрос об изменении существующего декрета от 15 декабря 1924 г. В ряде докладных записок, поданных в ВЦСПС центральными комитетами профсоюзов (строителей, пищевиков, местного транспорта, кожевников, швейников, Всеработземлеса), на ряду с критикой ныне действующего декрета о трудовых артелях, были выдвинуты основные положения, которые, по мнению профсоюзов, должны лечь в основу нового декрета.

Междуведомственная комиссия при НКТ СССР приняла выдвинутые профсоюзами принципы, но в течение 4-месячного периода работы комиссии представители различных ведомств в первоначальный согласованный проект внесли некоторые поправки и «улучшения» редакции, которые фактически восстанавливают основные принципы старого декрета и инструкции.

Не касаясь существа разногласий между профсоюзами и представителями различных ведомств, мы изложим главные ст.ст. декрета с точки зрения представителей профсоюзов и НКТ, участвовавших в работе комиссии.

Основными ст.ст. проекта нового декрета являются: 1) определяющая признаки, устанавливающие существование трудового отношения, 2) определяющая понятие подряда и 3) предусматривающая право профсоюзов заключать коллективный договор от имени артели.

Законодательная охрана труда распространяется на артель в том случае, когда она участвует своим трудом в чужом хозяйстве. Под хозяйством же в данном случае следует понимать «совокупность средств производства и средств, затраченных на оплату рабочей силы». При различном техническом развитии отдельных отраслей промышленности различно будет и органическое строение того капитала, который образует производительное хозяйство. В одних случаях в хозяйстве будет преобла-

дать капитал, вложенный в здания, техническое оборудование, организационный аппарат, в других—капитал, вложенный в материалы производства и купленную рабочую силу.

С этой точки зрения, когда артель работает из материалов нанимателя или из материалов, приобретаемых ею на средства нанимателя, она работает в «чужом хозяйстве», в хозяйстве того лица, средствами которого производство ведется. То же самое и артель грузчиков, выполняющая погрузочно-разгрузочные работы хозоргана или частного лица, получающая от него заработную плату, участвует своим трудом в хозяйстве последнего, так как хозяйство в данном случае образует тот капитал, который потрачен на покупку рабочей силы. Таким образом, действительным владельцем хозяйства считается лицо, физическое или юридическое, для которого и средствами которого работа выполняется.

Работе в чужом хозяйстве, как социально-экономическому признаку, определяющему трудовое отношение, декрет противопоставляет работу в своем хозяйстве (своими средствами), как признак, определяющий хозяйственную самостоятельность и экономическую независимость производителя от лица, работу которого он выполняет.

Таким образом, новый проект декрета лишает нанимателей возможности подводить трудовые артели, работающие с помощью некоторых сложных машин или технических установок, под промысловые кооперативы, так как под хозяйством (предприятием) декрет понимает совокупность средств (капиталов), затраченных в производстве. Из этого определения хозяйства (предприятия) не следует делать вывод, что самостоятельным хозяйствующим суб'ектом является только та артель, которая владеет, в буквальном смысле слова, абсолютно всеми средствами, необходимыми для производства (техническое оборудование, материалы производства, средства на оплату рабочей силы, организационные расходы). Артель рабочих может владеть только технически оборудованным металлическим заводом или текстильной фабрикой, но не иметь средств на покупку материалов производства и наем рабочей силы. Но располагая основной массой средств производства (оборудованным заводом или оборудованной фабрикой), имеющей значительную ценность, артель может получать ссуду от кредитных учреждений для покупки материалов производства или получать кредиты от заказчика. В данном случае само обладание технически оборудованным предприятием дает артели возможность пополнить недостающий ей для производства капитал и тем самым обусловливает ее экономическую самостоятельность.

Следовательно, для разрешения вопроса о социально-экономической природе артели, работающей теми или иными собственными сложными машинами и техническими установками, необходимо выяснить ту роль, какую они играют в общей совокупности средств производства. Когда значение технического оборудования в хозяйстве артели так велико, что обусловливает экономическую самостоятельность ее членов, оно является признаком существования у артели собственного предприятия. В противном случае, социально-экономическая природа трудовой артели ничем не отличается от обыкновенной группы наемных рабочих.

Положив в основу определения трудового отношения (и собственного хозяйства предприятия) социально-экономические признаки, разработанный декрет правильно отражает в себе действительные отношения, складывающиеся в процессе производства между артелями и работодателями. Когда артель не имеет своих средств производства, она вынуждена продавать свою рабочую силу в чужом хозяйстве. Какие бы формы ни принимали отношения между работодателем и артелью, первый всегда является экономически более сильным, вторая экономически более слабой и зависимой. Это экономическое неравенство работодателя и артели фактически превращает «двусторонний свободный договор» между ними в односторонний, навязанный экономически сильной стороной экономически слабой.

Только законодательная охрана труда, устанавливающая минимум гарантий для артелей, нарушение которых не может пройти безнаказанно для нанимателя, ограждает артель от неограниченной эксплоатации ее труда.

Иное дело, когда артель выполняет работу в своем хозяйстве. Владея средствами производства, она является экономически самостоятельной хозяйствующей единицей (самостоятельным хозяйствующим суб'ектом). Заказчик для выполнения своей работы нуждается в хозяйстве артели и потому не может навязать ей кабальные условия договора. Наш Гражданский Кодекс, учитывая экономически более выгодное положение подрядчика, чем заказчика, главным образом и охраняет имущественные интересы второго от ущерба, который первый может нанести ему своими незаконными действиями.

Таким образом, проект нового декрета направлен против тех обходов, которые в настоящее время широко практикуются нанимателями, привлекающими к работе трудовую артель, так как не оставляет никаких сомнений, что следует понимать под «подряд» и «подрядчик». Подводить трудовое отношение под подряд, а рабочего под категорию подрядчика после издания проектируемого декрета нанимателям не удастся. Таким образом, разрешается одна из наиболее сложных проблем гражданского и трудового права—проведение наиболее точного водораздела между подрядом и трудовым договором.

Не менее важна статья декрета, предусматривающая право профсоюзов заключать от имени артели коллективные договора.

В кооперативных кругах до сих пор господствует точка зрения, что трудовые артели, являясь одной из форм кооперативной организации трудящихся, не нуждаются в защите своих интересов профсоюзами и поэтому высказываются против применения системы коллективных договоров для регулирования условий труда членов артелей.

Не касаясь вопроса о том, являются ли трудовые артели особой формой кооперации или только особой формой найма (групповой наем), мы считаем, однако, бесспорной точку зрения профсоюзов, отрицающих за трудовой кооперацией возможность защищать интересы об'единяемых ею членов (физических лиц) при продаже их рабочей силы. Трудовые артели, нанимаясь всей группой, могут уничтожить конкуренцию, существующую между отдельными об'единяемыми ею членами, но ни в коем случае не будет уничтожена конкуренция между артелями, работающими в однородных отраслях промышленности. Даже артели, входящие

в состав одного и того же губернского или областного союза, работают на различных условиях. Наниматель, несомненно, использует и раз'единенность трудовых артелей в интересах усиления эксплоатации их и после издания проекта нового декрета.

Кроме того, трудовые артели работают в большинстве случаев в таких отраслях промышленности, где применяется труд организованных рабочих (членов профсоюзов). Когда члены трудовой артели работают на худших условиях, чем члены профсоюзов, тогда они превращаются в дешевую рабочую силу, конкурирующую с организованным трудом. Эта конкуренция со стороны членов трудовых артелей побудила некоторые профсоюзы выступить против допущения к работе трудовых артелей. Такие методы борьбы с конкуренцией со стороны членов трудовых артелей не могут быть оправданы профсоюзами. Но, с другой стороны, недопустимо, чтобы члены трудовых артелей срывали условия труда организованных рабочих.

Основным условием, необходимым для уничтожения конкуренции и розни между трудовыми артелями и профсоюзами, является установление сходных условий труда для всех рабочих, занятых в однородной отрасли промышленности, независимо от того, состоит ли он членом артели или профсоюза.

Эта задача может быть выполнена только коллективным договором, который может выровнять условия труда членов трудовых артелей и организованных рабочих. Только путем сближения с профсоюзами и применения системы коллективных договоров могут быть разрешены задачи, стоящие перед артельным движением.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

В. И. Ленин.

План речи 27. III. 1922:

1. О Генуе кратко повт[орить] сказ[анное] 6. III. 1922[1])	(Дел[ега]ция сост[авлена].— Дир[ективы] тща[тельно] обс[уждались] не раз и не **два**. — „**Мы готовы**“).
2. **НЭП** Гл[авные] пункты сего „вопроса“: (а) Проверка „смычки“ с кр[естья]нской эк[ономи]кой.	
3. (б) Проверка соревнованием гос[ударственных] **И** капитал[истических] предпр[ия]тий (и торг[овых] и пром[ы]шл[енных]; рус[ских] и загр[аничных])	
4. (в) „Госкап[итали]зм“. Схоластич[еское] v[ersu]s[2]) р[е]в[олю]ц[ио]н[ное] и практ[ическое] значение сего слова.	(Гос[ударственный] кап[итали]зм. Г[о]с[ударст]во, это „**МЫ**“).
5. (г) Остановка отст[у]пл[е]ния. Не в смысле: „уже научились“, а в смысле: не нервничай, не сочиняй, а на **данной почве** учись, „перегруппировка сил и подготовка“—лозунг дня. Подготовка наступл[ения] **на ча[стно]-хоз[яйственный] к[апитал]** — лозунг.	Разведка сделана. **Смещ**[анные] **общ**[ест]**ва**.
6. „Эв[олю]ция или т[а]кт[и]ка“? Устрялов в „См[ене] вех“: полезнее „сладенького комвранья“.	
7. Чья возьмет? Чего не хватает? Культурности, уменья управлять (в т[ом] ч[исле] вести гос[ударственную] т[о]рг[о]влю).	
8. **Тодорский**. с[траница] **62**, **подч**[еркнуть]. Уже в X. 1918[3])	(Ср[авни] завоеватель и зав[ое]в[ан]ный: кто культурнее? 4700 отв[етственных] ком[муни]стов Москвы и м[о]ск[о]в[ская] бюрократия.)

Два типичных примера:

9. Пример № 1: **МПО** бор[ется] с бюр[ократи]змо[м] **НКВТ** „копия с белой коровы“. Чего	„им“ (без Красина и Кам[ене]ва) не хватало? Культурности. (**Материалы о „деле“ МПО** v[er]sus[4]) **НКВТ**)

10. Пример № 2: Как „он“ и („они“) переадминистрировал? (в Донбассе)

(Тут был[о] неполнсе умен[ье] упр[авлять] + нек[ото]р[ая] пол[ит]ическая ошибка).

(роль коммуни[стов]: плохи!)

11. „Гостресты“: пример[но].... к будущему году!

12. Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в **НЭПЕ**: и полит[ических] и экон[омических]. Вопрос „**только**“ в культурности!

13. Белогвардейцы (в т[ом] ч[исле] М[еньшевики] и с.р. и К^{0}) видят в этом нечто в их пользу! Напрасно! обзор доделанного и недоделанного оч[ень] полезен:

(α) Ор[гани]з[ованная] дем[ократическая] рев[олюция] „они“ г[ово]рят! Против них (400 лет навоза в 4 года!)

(β) выход из в[ой]ны: р[е]в[олю]ц[ионный] выход из реакц[и]онной] в[ой]ны. А у них?

(γ) Сов[етское] г[о]с[у]д[арст]во. Первое в мире. Нов[ая] эпоха хуже **первого паровоза!!**

Три неотъемлемы.

Четвертая и **главная**, недоделана: **фундам[ент] соц[иалистической] эк[ономи]ки.** Многажды переделать.

14. За какое „звено цепи“ теперь уцепиться надо?

За какое „звено цепи“ уцепиться?

1917—выход из в[ой]ны.

1918—Сов[етско]е] г[о]с[у]д[арст]во v[ersu]s[2]) Учредилка.

1919 и 1920—отпор нашествию.

1921: эк[ономическ]ий подход к кр[естья]н[ст]ву.

Поиски эк[ономической] политики.

1922: Не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах гвоздь, а в людях и в проверке исп[олнен]ия. Подбор людей и проверка исполнения.

При трех (3) условиях:

(α) отс[утствие] интервенции с ме-ками и с[оциалистами] р[еволюционерами]: расстрел за полит[ическое] оказ[ательст]во.

(β) фин[ансовый] кризис не чересчур сильный. (не оч[ень] сильный? чистка гострестов).

(γ) Не делать политич[еских] ошибок.

15. „Гвоздь момента“ (звено цепи)—разрыв м[ежду] величием

поставл[енных] з[ада]ч и нищетой не т[оль]ко материальной, но и **культурной.**

16. Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море.

„Полоса проп[а]г[ан]ды декретами“ прошла. Массы поймут и оценят **ЛИШЬ** деловую практич[ескую] работу, практич[еский] успех в хоз[яйствен]ной] и культур[ной] работе.

ΣΣ[5]) —Подбор людей и проверка исполнения!

Дополнения

1. П[арт]ия vs Соворганы. (Освободить от мелочей. Повыс[ить] отве[тственно]сть сов[етских] раб[отни]ков.

2. ВЦИК. Сессии подольше. Обсуждение потщательнее. Проверка обстоятельнее.

3. СНК и СТО.

мои замы. (Рыков и польза В[ильгельма] II).

переп[иска] с 1.1922. Проверка исполнения, подтягивание, **чистка сверху**

4. СНК. Повысить авторитет, освоб[одить] от мелочей.

5. СТО. Разв[итие] и расш[ирение] раб[оты] **Обл[астных] Эк[ономических] Со[вещаний]**.

6. М[алый] СНК. Тоже освободить от мелочей.

Проект директив (по поруч[ению] ЦК) будет внесен.

Примечания.

1. Имеется в виду речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского с'езда металлистов. Она напечатана во второй части XVIII тома собр. соч. (стр. 5—17).

2. Versus = соотносительно; в противопоставлении.

3. Имеется в виду брошюра Тодорского, А. «Год с винтовкой и плугом». Изд. Весьегонского Уездного Исполнительного Комитета. Весьегонск, 1918. На стр. 62 находится то самое место («это еще полдела, если мы ударим эксплоататоров по рукам, обезвредим их, или «доконаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть»), на которое ссылался и часто приводил в своей речи Ленин.

4. Против.

5. Общий итог, общий вывод.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

СОКОЛЬНИКОВ, Г. — Пройденный путь и новые задачи. Москва, 1926 года.

Рецензируемая брошюра тов. Сокольникова отнюдь не является очередным выступлением по финансовому ведомству. Она занимается более общими вопросами нашей экономики и притом ставит их в широком разрезе перспектив ближайших десятилетий, не ограничиваясь конкретными задачами текущего периода. Но при такой постановке вопросы хозяйственные принимают сугубо-принципиальный характер, ибо здесь увязываются исходные пункты общей тактической линии партии с оценкой перспектив развития.

Первая часть брошюры тов. Сокольникова озаглавлена: «Общая оценка перспектив хозяйственного развития СССР». В ней он толкует о задачах, которые будут стоять перед нами в области производства «в течение ближайшей $^1/_4$ или $^1/_2$ века». Возможности под'ема хозяйства, по его мнению, колоссальны. Основные предпосылки—неисчислимые богатства, революционные формы общественной организации—налицо. Он считает, что «вполне возможно постепенное перемещение целого ряда экономических центров с Запада на Восток» и что «эти перспективы далеко не столь фантастичны, как может показаться на первый взгляд. Ощутительные результаты быстрого под'ема могут сказаться по всей линии нашего хозяйства уже, примерно, через два с половиной десятка лет» (стр. 10).

С этим нельзя не согласиться. Пожалуй, что в отношении сроков тов. Сокольников слишком осторожен, хотя история нас и учила подходить к ним с сугубой осторожностью. Мы полагаем, что ощутительные результаты под'ема будут гораздо раньше, чем через 20—25 лет. Но зато серьезнейшее недоумение вызывает та картина под'ема, которая рисуется тов. Сокольниковым после этих общих замечаний. В ней он подробнейшим образом развертывает перспективы роста сельского хозяйства, подчеркивая, что этот под'ем «уже в течение ближайших лет произведет величайший мировой экономический переворот» (стр. 11), ибо Октябрьская революция «разбудила крестьянство, как и всю страну», и поэтому «мы смело можем поставить ставку на то, что крестьянство Советской страны окажется не менее предприимчивым, гибким и энергичным, не менее ищущим изменения всего строя своей жизни, чем в свое время были американские фермеры» (стр. 13). Но рисуя блестящую будущность нашего сельского хозяйства, тов. Сокольников, мягко выражаясь, «упустил из виду» нашу промышленность, эту основную цитадель социализма в нашем Союзе. В главе, рисующей общую перспективу развития «в течение ближайшей четверти или полвека», нельзя найти ни одной строчки, посвященной промышленности. Но может быть отсюда еще рано приходить к заключению, что тов. Сокольников оценивает тенденцию нашего развития, как аграризацию, превращение СССР в аграрный придаток к промышленной Европе? Посмотрим, что пишет т. Сокольников дальше. «Ключ к ускорению процесса под'ема всего хозяйства Союза,—пишет т. Сокольников,—заключается в перспективе быстрого под'ема сельского хозяйства. Этот под'ем сельского хозяйства может произойти в ближайшее же время

за счет улучшения производительности труда в сельском хозяйстве, за счет его интенсификации, за счет изменения системы культур, а не только за счет некоторого технического улучшения. В процессе под'ема сельского хозяйства будет получаться все больший избыток для реализации на внешнем рынке, который и может быть использован на нужды под'ема всего хозяйства». «Именно то обстоятельство, что наше сельское хозяйство может «обогнать» промышленность, что оно есть мелкое хозяйство, которое не требует больших затрат для того, чтобы быстро подняться,—это и есть к большой выгоде для страны динамическое (движущее) начало в нашем хозяйстве (стр. 41—42, курсив наш. *Л. М.*).

Попытаемся выявить основной смысл выдвигаемых здесь положений. Несомненно, что тов. Сокольников здесь не просто подчеркивает взаимозависимость в развитии сельского хозяйства и промышленности: ибо для этого совсем не нужно было бы налегать на то, что «эта постановка вопроса представляет собой» «довольно вопиющее противоречие с теми взглядами, которые обычно защищаются в нашей печати, собраниях и т. д.». Квинтэссенция скрывается здесь не в этом, а в оценке того, где находится «динамическое» (движущее) начало развития нашего хозяйства, которое т. Сокольников видит в том, что «наше сельское хозяйство может обогнать промышленность, т.-е. по темпу своего развития опередить последнюю». Но более быстрый темп развития сельского хозяйства есть повышение его удельного веса в общей экономике страны и вместе с тем ослабление роли промышленности в народном хозяйстве, т.-е. аграризация. Другого пути развития, по тов. Сокольникову, не дано. Но политик не может быть пассивным созерцателем происходящих хозяйственных процессов, и если тов. Сокольников действительно прав, что в аграризации лежит «движущее» начало нашего хозяйства, то необходимо за это звено уцепиться, сделав аграризацию определяющим лозунгом нашей экономической политики. За «динамическим началом» у тов. Сокольникова скрывается фактическое отстаивание курса на аграризацию. Повидимому, не случайно «забыта» промышленность тов. Сокольниковым при оценке перспектив развития и еще менее случайно его замечание о вопиющем противоречии защищаемой им точки зрения с «взглядами, которые обычно защищаются в нашей печати, собраниях», к которым отметим в скобках относится и такое «собрание», как XIV с'езд партии.

Проанализируем, в чем суть этого действительно «вопиющего противоречия», подчеркнув предварительно, что тов. Сокольников трактует не о конкретных мероприятиях нашей политики текущего года, а о линии развития, о путях нашего хозяйственного под'ема, рассчитанного на десятки лет. Это очень важное обстоятельство, ибо с точки зрения данного хозяйственного года вопросы, поднятые тов. Сокольниковым, могут иметь другое значение и разрешаться в другом направлении, чем тогда, когда они рассматриваются в общей перспективе развития.

Прежде всего отметим, что положения тов. Сокольникова противоречат не только «обычным мнениям, высказываемым в печати и на собраниях», но и фактам реальной экономической действительности. По тов. Сокольникову выходит, что двигаться вперед мы можем только в том случае, если сельское хозяйство будет обгонять промышленность. Но в последние годы мы имели явление обратного порядка: экономический под'ем, и довольно быстрый, совершался при темпе развития промышленности, опередившем темп под'ема сельского хозяйства.

«Динамическое начало» тов. Сокольникова не действовало, и все же мы двигались вперед—и довольно успешно. Нужно ли нашей экономической политике стремиться к тому, чтоб изменить это соотношение

темпа под'ема промышленности и сельского хозяйства? Входит ли это в интересы социалистического строительства?

Тов. Сокольников исходит из того, что нужно разбудить производительные силы деревни и развить с.-х. экспорт. Это, несомненно, верно, с этим никто не спорит.

Но что мы дадим крестьянину взамен его возрастающей продукции, если промышленность будет отставать хронически в своем темпе развития от сельского хозяйства. До сих пор соотношение темпа было в пользу промышленности, и все же мы уже около года находимся в полосе товарного голода.

Растущее сельское хозяйство пред'явит нам еще большие требования, и если мы окажемся неспособными их удовлетворить, крестьянство будет стремиться к установлению смычки с иностранным и внутренним капиталом, или же нам самим придется усиленно расширять ввоз предметов крестьянского потребления и крестьянского обихода, облегчая в то же время внутреннее производство их на частных капиталистических предприятиях, ослабляя тем самым позиции социалистич. промышленности за счет усиления роли капиталистич. сектора хоз-ва. Это неизбежно, поскольку мы не сумеем снижать крестьянское потребление промышленной продукции налоговым прессом довоенных размеров, ибо послереволюционное крестьянство не согласится сидеть на довоенных нищенских нормах потребления, да и партия и рабочий класс не пойдут по этому пути, грозящему политическими осложнениями, не говоря уже о том, что эта политика была бы сильнейшим тормозом развития производительных сил деревни и всей страны в целом. Индустриализация—вот единственно-правильный путь развития, который, укрепляя нашу смычку с крестьянством, ослабляет в то же время нашу зависимость от международного капитализма, как об этом четко и ясно заявил в своей резолюции XIV партс'езд. Эту индустриализацию с'езд и противопоставил курсу на аграризацию, защищаемому в рецензируемой брошюре тов. Сокольниковым.

Курс на индустриализацию не только не означает забвения деревни, но должен, по мнению с'езда, теснейшим образом сочетаться с всемерной поддержкой беднейшего и среднего крестьянства в его стремлении повысить производительность своего хозяйства, что вполне совпадает и с интересами промышленности. Весь смысл индустриализации в конечном счете сводится к тому, чтоб обеспечить перестройку сельского хозяйства на новых общественных началах, которые позволят ему достигнуть уровня производительности, не известного еще даже самым культурным капиталистическим странам.

Ибо курс на индустриализацию вытекает не только из необходимости укрепить смычку с деревней путем усиления ее снабжения продуктами промышленности, не только из необходимости «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность» (XIV партс'езд), но и из общего генерального плана строительства социализма в нашем Союзе.

Мы сможем строить социализм в деревне только тогда, когда наша промышленность окажется настолько мощной, чтобы чрез кооперацию подчинить деревню своему контролю и регулированию и быть в состоянии преодолеть капиталистические тенденции развития мелкого товарного производства. Каждый шаг по пути индустриализации есть укрепление позиций социализма в нашем Союзе. Ни о каком строительстве социализма при курсе на аграризацию говорить не приходится. Эту проблему строительства социализма тов. Сокольников обошел, подменив ее проблемой «хозяйственного под'ема» вообще. Но такая постановка

вопроса ничего общего с ленинизмом не имеет, и партия правильно сделала, решительно ее отвергнув.

В полном соответствии с общей концепцией тов. Сокольникова находится и его утверждение, выдвинутое им в речи на XIV партс'езде, о том, что переоборудовать промышленность мы сможем лишь за счет в в о з а оборудования. Само собой разумеется, что этот ввоз будет иметь место, ибо без него мы обойтись не можем. Но если это бесспорно, то все же мы не можем согласиться с тов. Сокольниковым, ибо он—как вполне правильно подчеркнул тов. Сталин—«превращает эту нужду в принцип, в теорию, в перспективу развития. Вот в чем ошибка тов. Сокольникова». «Если мы застрянем на той ступени развития, на которой нам приходится ввозить оборудование и машины, а не производить их собственными силами, то мы не можем быть гарантированы от превращения нашей страны в придаток капиталистической системы». «Мы, т.-е. наша промышленность будет, таким образом, находиться на привязи у Европы». Поэтому «мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйственников были направлены в эту именно сторону, в сторону превращения нашей страны из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны. Ибо в этом гарантия того, что наша страна не будет превращена в придаток капиталистических стран. Тов. Сокольников не хочет понять этой простой и очевидной вещи», не учитывая того, что «отказаться от нашей линии—значит отойти от задач социалистического строительства, значит стать на точку зрения дауэсизации страны» (Бюллетень XIV с'езда, № 10).

Л. Мендельсон.

МОРОХОВЕЦ, Е. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции ГИЗ, стр. 238, тир. 3.000.

Известно, что по вопросу о роли пролетариата в буржуазной крестьянской революции большевики резко расходились с меньшевиками. И это расхождение носило, так сказать, не только количественный, но и качественный характер. В то время, как меньшевики полагали, что пролетариат сможет быть в нашем буржуазно-демократическом перевороте лишь о п п о з и ц и е й «с н и з у», но не р у к о в о д и т е л е м революции, сочетающим революционные методы действия и «снизу» и «сверху»; в то время, как, с их точки зрения, крестьянство не было достаточно подготовленным для того, чтобы под руководством пролетариата сыграть роль, аналогичную роли городской мелкой буржуазии в Коммуне 1871 г.,— большевики находили, что победа нашей крестьянской революции возможна лишь при условии совместной борьбы рабочего класса и крестьянства за революционно-демократическую диктатуру, как переходную ступень к диктатуре пролетариата.

Касаясь этого вопроса в своей книге, тов. Мороховец более или менее верно освещает взгляд меньшевиков на роль пролетариата в революции 1905 года; что же касается их взгляда на роль крестьянства в ней, то он изложен совершенно неправильно. Это об'ясняется тем, что автор на слово поверил тов. Мартынову. Между тем, у тов. Мартынова получается, будто бы меньшевики отрицали за крестьянством всего-на-всего лишь способность «играть с а м о с т о я т е л ь н у ю политическую роль» (разрядка т. Мартынова) [1]. А это абсолютно не верно.

Большевики всегда утверждали, что крестьянство может развернуться в революционно-действующий класс только под руководством

[1]) М о р о х о в е ц. «Кр. движение etc», стр. 32.

и под воздействием пролетариата, но вовсе не самостоятельно, не независимо от него. Следовательно, различие во взглядах меньшевиков и большевиков на крестьянство заключается не в том, в чем это усматривают т.т. Мороховец и Мартынов, но в том, что, по мнению меньшевиков, крестьянский вопрос не был «национальным вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития» [1]), и что, следовательно, крестьянство об'ективно не могло оказать на нашу революцию определяющего действия.

Важно иметь в виду именно этот об'ективный смысл роли крестьянства в нашем буржуазном демократическом перевороте, а не крестьянское самосознание. «Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о... революционной эпохе по ее сознанию; скорее это сознание следует об'яснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [2]). А тов. Мороховец, резко выпячивая моменты, характеризующие политическое самосознание крестьянства, уделяет очень мало внимания об'ективному значению крестьянского вопроса в России. Такое освещение вопроса имеет, с нашей точки зрения, родство со своеобразной луиблановщиной. Тот же грех чувствуется и в цитате, взятой т. Мороховцем из статьи Мартынова. Тов. Мартынов толкует там о «царском фетишизме» крестьянства, забывая о том, к чему вынуждали крестьян об'ективные условия их существования.

Основная ошибка меньшевиков в вопросе о движущих силах нашей революции состоит в том, что они, во-первых, подменяли конкретный вопрос о типе российской буржуазной революции абстрактным вопросом о буржуазной революции вообще; во-вторых, совершенно ложно представляли себе расстановку и взаимоотнощения классов в процессе развития России от полуфеодализма к социализму, т.-е. не видели действительного пути и основных этапов этого развития.

Тов. Мороховцу, повидимому, кажется, ошибочным заявление тов. Ленина, что меньшевизм «всегда сбивается на ту, в корне ошибочную, опошляющую марксизм, мысль, будто буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, неясна правому крылу с.-д.» [3]). Ему представляется, повидимому, преувеличенным замечание Ильича о том, что меньшевики занимаются реакционно-утопическим сочинительством в аграрном вопросе, не зная того, какие классы являются действительными движущими силами революции.

Тов. Мороховец забывает о том, что на его обязанности, как историка, лежит об'ективный анализ «о-себе-высказываний» и меньшевиков и большевиков. А этого-то он и не делает. Ильича же интересует не то, что думали и говорили меньшевики, а то, что они делали и к чему вело то, что они делали.

Тов. Мороховец стирает острые углы. Они ему не нравятся. Но стирая их, он впадает, как мы видели, в своеобразную луиблановщину.

Признавали ли меньшевики гегемонию рабочего класса в революции 1905 года? Тов. Мороховец утверждает, что принципиально они признавали главенство пролетариата. Верно ли это утверждение?

Прежде всего определим понятие гегемонии рабочего класса. Оно может толковаться различно. Во-первых, под гегемонией можно подразу-

[1]) Н. Ленин, Письмо к тов. Скворцову.
[2]) К. Маркс, Предисловие к „Критике полит. экон.".
[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 228.

мевать то, что вкладывал в это понятие Г. В. Плеханов, именно: противопоставление рабочего, как носителя социализма, мужику. Брошенное им на Парижском конгрессе II Интернационала выражение — «Русская революция восторжествует, как революция рабочего класса, или не восторжествует вовсе»—обозначает собою то же самое, что и фраза тов. Ленина—«Будущее в России принадлежит не мужику, а рабочему».

Гегемония пролетариата в этом смысле тождественна с понятием руководящей роли рабочего класса в социалистической революции. Эта идея гегемонии направлена против народничества, против мелко-буржуазного социализма. Следовательно, заслуга Г. В. Плеханова, как отца идеи первенствующей роли пролетариата в России, имеет вес лишь по отношению к народничеству. Это, разумеется, колоссальная заслуга, но она ограничена определенными историческими рамками, вне которых она теряет свою исключительную ценность.

Следует заметить еще вот что. Плехановская идея гегемонии появилась на свет в результате распада старого мелко-буржуазного социализма, изжившего себя в силу присущих ему внутренних противоречий, как неизбежное отрицание народничества первой поры. Именно поэтому она, эта идея, страдает такой же отвлеченностью, как и идея народничества. Замечание тов. Луначарского (тогда Воинова) на IV с'езде РСДРП, что Плеханов, обжегшись в детстве, т.-е. в народнический период своей политической деятельности, на молоке, начал дуть на воду, т.-е. на революционное крестьянство, вполне правильно. Оно говорит как раз о том, что Плехановская гегемония—абстракция, порождение, так сказать, политического рассудка. Эту абстракцию необходимо было подвергнуть обработке посредством политического разума, что и было сделано Владимиром Ильичем.

Для тов. Ленина понятие гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции равнозначно с понятием пролетариата, как вождя «общенациональной» революции, концентрирующего вокруг себя все революционные элементы общества. Отстаивая эту идею гегемонии, Ильич горячо спорил с народниками, еще горячее—с экономистами и в особенности—с меньшевиками, с Плехановым—в числе последних.

По нашему мнению, Г. В. Плеханов делал ошибку не только в том смысле, что он не сумел «арифметизировать» идею верховенства рабочего класса, но и в том, что даже алгебраическое выражение этой идеи страдало у него односторонностью. Выражение тов. Ленина «рабочий класс, как вождь народа» алгебраично, а не арифметично. Но алгебра Влад. Ильича диалектична, алгебра же Плеханова рассудочно-схоластична. И это потому, что Плеханов, в известном смысле, не преодолел, а просто отбросил народничество. Ильич, напротив, не просто отбросил, а диалектически преодолел мелко-буржуазный социализм.

Таким образом, понятие гегемонии у Ильича одно, у Плеханова—совсем другое. Строго говоря, Плеханов никогда по настоящему не понимал руководящей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, как ее не понимали экономисты и меньшевики.

Отсюда ясна, между прочим, недостаточность замечания тов. Мороховца о том, что, «признавая принципиально неизбежность гегемонии пролетариата в грядущей буржуазной революции, меньшевики отказывались от этой гегемонии при практической постановке вопроса» [1]). (Разрядка наша. *П. Ж.*). Делая это замечание, он ссылается на две цитаты из тов. Мартынова. Но, во-первых, в одной из этих цитат тов. Мартынов говорит о гегемонии, как о результате «слепой игры ре-

[1]) Мороховец, «Кр. движение etc», стр. 32.

волюционной стихии», т.-е. не о неизбежности, а лишь о случайной возможности гегемонии, и вопрос этот ставится им не практически, а теоретически. Что касается другой цитаты, то в ней тов. Мартынов ведет речь, очевидно, о руководящей роли пролетариата в социалистической революции.

Несмотря на это, работа т. Мороховца, в общем, является ценной работой. Но именно потому, что эта книга, несомненно, ценна, мы не могли пройти мимо хотя бы некоторых ее недостатков. Очень жаль, что по некоторым причинам нам не удалось коснуться в нашей заметке еще кое-каких вопросов, освещенных тов. Мороховцем недостаточно выпукло, ясно и точно. Так, например, мы находим, что ошибочность «отрезочной» программы не совсем резко подчеркнута, а также мало заострен вопрос о связи аграрного переворота с демократизацией центральной власти в программах Маслова и тов. Ленина.

Вот те замечания, которые мы считаем необходимым сделать по поводу книжки тов. Мороховца «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции».

И. Жиров.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

В редакцию «Большевика».

В своей только что вышедшей работе «К вопросам ленинизма» (отдельная брошюра в изд. Госиздата; «Большевик» № 3) т. Сталин указывает на неправильность моей формулировки: «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии», данной в брошюре «Учение Ленина о партии». Я согласен, что мое изложение слишком упрощает вопрос о взаимоотношении партии и класса: формулировка неточна и должна быть, естественно, исправлена в новом издании, буде таковое окажется необходимым.

Статья т. Сталина ставит своей задачей дать итоги проверки положений, выставленных новой оппозицией. При таком условии цитирование т. Сталиным моей формулировки (март 1924 г.) и сопоставление ее с аналогичной формулировкой т. Зиновьева (сентябрь 1925 г.), наряду с разбором некоторых других положений т. Зиновьева и т. Каменева, может вызвать у читателя неправильное представление о моих общеполитических взглядах и подать повод к заключению о каком-либо или в чем-либо расхождении моем с партией. Против возможности такой ошибки я счел себя обязанным предупредить читателя.

15 февраля 1926 г.

Вл. Сорин.

В редакцию «Большевика».

Заявляю, что, критикуя формулировку т. Сорина в его книжке «Учение Ленина о партии» (1924 г.), я не имел в виду дать характеристику взглядов т. Сорина по вопросам, затронутым недавней дискуссией на XIV с'езде партии (декабрь 1925 г.). Во избежание недоразумений, считаю своим долгом сказать, что т. Сорин—в этом не может быть никакого сомнения—не имеет ничего общего с новой оппозицией, что он целиком разделяет точку зрения XIV с'езда партии. Именно поэтому я думаю, что ошибка, допущенная т. Сориным в 1924 году, является ошибкой случайной, эпизодической.

17 февраля 1926 г.

И. Сталин.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
Л. Каменев.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.